

Элеонора Файзуллина

АКСАКОВСКИЙ ВЕНОК:

*писатели России –
лауреаты Всероссийской
литературной премии
им. С.Т. Аксакова*

Уфа – 2018

УДК 821-95(470.57)(08)
ББК 83.3(2Рос.Баш)6-8
Ф17

Файзуллина Элеонора

Ф17 АКСАКОВСКИЙ ВЕНОК: *писатели России – лауреаты Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова.* – Уфа: Лето, 2018. – 100 с.: ил.

ISBN 978-5-87308-183-2

Новая книга Э.Ш. Файзуллиной «Аксаковский венок: писатели России – лауреаты Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова» – это уникальный, нетрадиционный подход к изучению жизни и творчества известных писателей, с которыми волею судеб автору посчастливилось встретиться в разные периоды жизни в Уфе, Москве и других городах.

УДК 821-95(470.57)(08)
ББК 83.3(2Рос.Баш)6-8

ISBN 978-5-87308-183-2

© Файзуллина Э., 2018
© «Лето», 2018

Притяжение личности

«Писатель – это следователь по особо важным делам человечества», – афористически заметил Леонид Леонов. Эта высота требований к художнику распространяется и на критиков, которые берутся судить о явлениях литературы, тем более, очень разных по жанру и стилю.

Э.Ш. Файзуллина – доцент, кандидат филологических наук, сделала достойное дело – написала цикл очерков о пяти лауреатах Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова: В. Белове (1996 г.), В. Распутине (2005 г.), М. Чванове (2007 г.), А. Генатулине (2008 г.), К. Скворцове (2010 г.). Каждый из представленных художников слова неповторим и значим.

Что связывает их в единое духовное целое? Прежде всего, «венок Аксакова» объединил лучших собратьев по перу, в творчестве которых, как и у самого основателя, – приоритет русских ценностей, готовность защищать самобытность и менталитет народа, образовавшего государство. Девиз «Вначале о Родине, потом о себе» определил комплекс моральных представлений о человеке, семье, обществе и государстве. На этой почве коллективизма и стойкости создавалась жизнеспособность страны.

Далее – благодарность и уважение к русской культуре, которая стала центром их жизни, их образа мыслей и чувств. Все они прониклись «безмерной русской отзывчивостью» (Ф.М. Достоевский), которая представляет собой великодушные мысли и действия, готовность пойти на самопожертвование ради ближнего, а подчас и дальнего.

Каждый из представленных писателей поднялся на тот уровень исторического сознания, с высоты которого открывается суровая и беспощадная картина человеческой эволюции, ценность тех святынь, без которых жизнь народа угасает: язык, память, вера, правда, справедливость...

Все они стремятся осознать силу духа, которая таится в России, в людях, ее населяющих. Именно она позволила выжить стране в экстремальных ситуациях постоянных войн, выдержать жесточайшие испытания XX века, не сломиться в обстановке огромных и невозполнимых потерь во время Великой Отечественной войны.

Эта книга очень личностна и эмоциональна. И одновременно – строга в профессиональном плане. Как опытный филолог Элеонора Файзуллина проникает в суть личности сочинителя, его внутренней страсти. Ей удастся показать неповторимость каждого из художников, охарактеризовать его вклад в отражение современности. Увлеченность и горячность ее отношения к писателям не оставят равнодушными никого.

Профессор, доктор филологических наук
В.И. Хрулев

От автора

Когда книга была практически сверстана и мы – в который раз – перечитывали, просматривали, перелистывали ее драгоценные страницы, я... ахнула! Какая глыба образовалась вокруг Сергея Тимофеевича! Все вместе и каждый в отдельности. Какие разные писатели, и как много объединяющего в их жизненном пути и творчестве! Во-первых, все они – уже состоявшаяся часть истории русской литературы. Как истинные патриоты, влюбленные в Отечество, они, каждый по-своему, изо дня в день, неустанно, в прозе и поэзии, в публицистике и театре, создают национальную идеологию. Ничего не разрушая, опираясь на историю: Русь – Россия – СССР – Россия, отталкиваясь от фольклора, древнерусских летописей, они создают – не изобретают, а возрождают. Ибо так у нас повелось, что Слово, Литература были всегда духовными составляющими нашей страны. Именно в ее недрах литература и создавалась – нет, не монотонно-одноцветная, а разного толка: у Тургенева – либеральная (не путать с современными либералами) и рязночинская (вспомним, гимн нашему русскому языку «пропел» Иван Сергеевич), у Толстого – с его Каратаевым, непотривлением злу насилием и «диалектикой души», у Достоевского – с его пророчеством «бесов»!

Сегодняшний день – не исключение, несмотря на то, что литература перестала быть массовой, расползлась по ячейкам общества и, по меткому замечанию Александра Проханова, превратилась чуть ли не в эзотерический кружок. Тем не менее, именно в ней должны создаваться и создаются постулаты сегодняшней российской действительности. Видите, и создаются! И нам, уфимцам, повезло, что более чем три десятка лет назад нашелся один скромный парень, начинающий журналист молодежной газеты, не «агитатор, горлан, главарь» и не коренной уфимец вовсе. И за исторически крохотный временной отрезок, на пустом месте, сделал наш родной город центром русской литературы. Начал с малого – с возвращения Уфе и нам Дома, где прошли детские годы Сергея Тимофеевича. И вот уже без малого три десятилетия всех гостей города, самых почетных и не очень, ведут в Мемориальный дом-музей. А ведь стыдно вспомнить, какое заведе-

ние функционировало там! Далее пошли другие грандиозные дела: Чванов спас от уничтожения Дмитриевский храм в селе Надеждино, имени Аксаковых; откуда-то появилась мощная фигура другого «некоренного» уфимца, Валерия Григорьевича Тетерева, и зазвонили колокола Никольского храма исторически знаменитого села Николо-Березовки, которое я знаю и помню с трех лет, где с трех лет на берегу Камы мы с Тетеревым играли в камушки. А что, мы ведь не забыли, как выглядел Никольский храм всего три десятка лет назад, четыре... Когда я приезжала в Николо-Березовку, видела, как «плакала» сильная и вовсе не плаксивая Кама, денно и ночью глядя на руины. Поэт утверждает, что Бог – знал:

*Скажи мне, брат мой, где берешь ты силы
Поставить двор, где не было кола?..
В воскресшем храме в глубине России
Твоим трудом звонят колокола.
Ты шел один с эпохою не в ногу
На страх и риск – была иль не была!..
Что видел ты, известно только Богу.
Но ты пришел – звонят колокола!..*

*...В Надеждине звонят колокола
И благовест разносится, как прежде.
В Надеждине звонят колокола –
Последние колокола надежды!*

Не могу не сказать, что первым в большом Аксаковском венке стал московский писатель Анатолий Генатулин. В 2010 году в издательстве БГПУ им. Акмуллы вышла моя небольшая книга о нем. Рада, что сегодня писатель-фронтовик имеет звание «народный», к его юбилею выпущен трехтомник, а «Бельские просторы» ждут его новых произведений.

Прошло восемь лет: никто не решился рассказать о выдающихся аксаковских лауреатах. Наверно, потому и появилась эта книга.

Галерею аксаковских лауреатов открывает Василий Иванович Белов – основатель, главный архитектор деревенской прозы. Когда в декабре 2012 года он ушел из жизни, много всего говорилось, некоторые даже радовались, что он ушел к Богу. Но я помню и искренний плач его читателей, их было по стране и миру немало. Мне кажется, лучше всех об этой потере сказала его дочь: «...Папа так и не смог уйти из мира деревни. Он там так и остался» (!). Конечно, она имела в виду прежде всего его духовную составляющую. Василий Иванович бывал в Италии, Франции, ездил по своей стране, но духом оставался в родной Тимонихе, со своей любовью, привычками, и нигде больше не хотел жить. Лауреат премии им. В. Белова Виктор Лихоносков говорил: «Вот это тысячелетний русский человек! Вот таким его Северная Русь создала, и таким он сберегся в своем творчестве. Он великий гражданин России, такой, какими были Хомяков, Аксаков, Леонтьев, Розанов, Меньшиков. Василий Белов – патриот этого ряда».

На моей книжной полке – ряды книг с трогательными короткими надписями, от щедрого во всех смыслах человека и потрясающего поэта Константина Васильевича Скворцова. В них, чем больше я их читаю, тем больше закладок и вопросов к поэту.

*И может быть, еще я пригожусь,
Когда пройдет вселенская разруха,
Осядут звезды тополиным пухом,
Святой и белой оставляя Русь...*

На моем столе лежит последняя книга Валентина Григорьевича Распутина «Эти двадцать убийственных лет» с подзаголовком «Как Путину обустроить Россию». Спасибо Владимиру Владимировичу, что нашел время встретиться с нашим Духовным Пастырем.

Листаю одну из последних книг Михаила Андреевича Чванова «Неудобные мысли», которая «прочла» и мои мысли, и мысли сотен уфимцев. И пусть в нашей с вами Уфе каждый год будет годом литературы, а наш город станет столицей России литературной!

Когда я писала эти строки, раздался телефонный звонок, на экране определилось – Станислав Юрьевич (Куняев). Я очень обрадовалась: звонить сама не смела – писатель только что перенес операцию, и я общалась по телефону с его помощниками. Была еще одна причина для радости: я нашла в библиотеке Крупской (так мы называли в студенческие годы главную республиканскую библиотеку) сборник ранней публицистики Куняева. С присущим мне напором выпалила в трубку: «Станислав Юрьевич, Ваша книга публицистики должна сегодня лежать на столе у Владимира Путина, она СЕГОДНЯ нужна, ему ведь тоже надо помогать!».

Мы проговорили минут 10–15. Боже мой, какой добрый, теплый человек! И как легко с ним разговаривать! Вот уж кто прост как правда. Какую чушь пишут про него, эти люди явно не читали книг Станислава Юрьевича! России повезло, что есть публицистика Куняева, жесткая, справедливая, и его, куняевское, поэтическое Слово.

Я вспомнила нашу теплую встречу по дороге из Аксаковского музея в Аксаковский народный Дом в сентябре 2008 года, когда С.Ю. Куняеву была присуждена Всероссийская литературная премия им. С.Т. Аксакова. Мы говорили об Уфе, о Мустае Кариме, друге Станислава Юрьевича, о музее народного поэта и о том, что у Куняева сохранилась с ним уникальная переписка.

...В конце нашего телефонного разговора решили не торопиться с главой о С.Ю. Куняеве, дожидаться его полного выздоровления. «Ну, что ж, давайте в следующий выпуск», – сказал, прощаясь, Станислав Юрьевич.

В заключение еще раз хочу напомнить слова В.Г. Распутина, которыми гордятся уфимцы, поскольку они сказаны в Уфе: «Россия спасется провинцией»...

Элеонора Файзуллина

Василий Белов

*Лауреат Всероссийской
литературной премии
им. С.Т. Аксакова (1996 г.)*

«Слишком много дедовским местам мы с тобою, сердце, задолжали»...

Василий Иванович Белов – один из крупнейших русских писателей XX века – родился 23 октября 1932 года в вологодской деревне Тимонихе в крестьянской семье. В 1943 году погиб на войне отец, мать осталась с пятью ребятишками, поэтому еще подростком он работал в колхозе, помогая матери поднимать четверых младших детей.

Весной 1949 года он окончил сельскую семилетнюю школу и уехал в город Сокол. Там, в школе ФЗО, освоил специальности плотника, затем – моториста-дизелиста, а позже – электромонтера. Во время службы в рядах Советской Армии выучился на радиотелеграфиста.

Очень скоро стало ясно, что подлинным призванием Василия Белова является литература, писательский труд. Он пишет очерки, статьи, привлекает его и поэзия: одним из первых ценителей стихов Белова становится его близкий

друг Николай Рубцов. (В 1965 г. поэт публикует одно из лучших своих стихотворений «Тихая моя Родина» с посвящением Василию Белову). По совету писателя-земляка А. Яшина Белов посылает свои стихи в Литературный институт им. М. Горького, проходит творческий конкурс и поступает учиться.

Покидая родные места, Василий Белов стремился вырваться на свободу, уйти от замедленного темпа сельской жизни, его манили ускоренный и разнообразный темп жизни городской, новые возможности. Как и большинство советских писателей, которые своим рождением и воспитанием обязаны русской деревне и крестьянству, он пережил недолгий и недалекий отход от «почвы» («И тогда совсем не горевал я, / Уходя из дому налегке»... Поэма «О чем поет гармонь»). В то же время этот «отход» сыграл, как ни странно, позитивную роль, обогатив человеческий и творческий опыт, придав «почвенной» позиции Белова еще большую прочность. В литературу В.И. Белов пришел как поэт-лирик. «Лирическая стихия», поначалу нашедшая свое выражение в его поэзии, в дальнейшем сохраняется и в прозе Мастера.

Ранние стихи и поэмы Белова несут на себе следы характерных настроений 1950-х: душевная возбужденность в пору общественных перемен, пафос дали, новых пространств, поиски подлинно ценного в мире и в себе, с чем связаны повышенный тонус существования, жажда движения, героики.

Но вскоре именно родная деревня, «отцовский край» становятся главными направлениями творчества писателя. Тема «возврата к корням» звучит уже в первом поэтическом сборнике «Деревенька моя лесная» (1961 г.): «Слишком много дедовским местам / Мы с тобою, сердце, задолжали»... Путь сердца к родине, к «почве», к дому и земле у Белова – не путь сентиментальных воспоминаний и созерцательной ностальгии, но путь интенсивной художественной, языковой работы, в результате которой с 1960-х годов в книгах писателя воссоздается мир северной русской деревни в ее природных, бытовых, речевых чертах. В сборнике повестей и рассказов «Знойное лето» (1963 г.) картины сельских будней развертываются в том неспешном порядке, который подчинен деревенскому календарю, череде домашних дел, течению беседы. Наброски знакомых крестьянских типов появлялись уже в стихотворениях «Дед», «Свекровь»; к углубленному осмыслению своих отношений с родной землей Васи-

лий Белов впервые обращается в поэме «Белая кровь» (1961 г.). Не случайно отрывок из нее «На родине» («День поэзии», 1981 г.) лег в основу написанного в дальнейшем рассказа «Холмы». Переход от поэзии к прозе произошел у писателя естественно и по-своему неизбежно.

В поисках гармонической цельности В.И. Белов обращается к уютному миру «малой родины», где «тихо спят теплые ельники», где от леса веет покоем, тишиной, где так хорошо жить. Однако подобное состояние – редкость и почти недоступно современному человеку. Оно удерживается лишь в немногих произведениях Василия Белова (например, рассказ «Бобришный угор») и лишь эпизодически возникает в его произведениях 1970–1980-х годов.

В 1961 году была опубликована повесть «Деревня Бердяйка», с которой начался известный прозаик В.И. Белов. Повесть «Привычное дело» (1967 г.) стала ярким литературно-общественным событием, а для писателя – серьезным этапом творчества. С ее появлением старая тема народа, крестьянства приобрела новую этическую остроту. Тема повести, но уже в более сложных, трагических тонах, дается и развивается в «Плотницких рассказах» (1968 г.), где четко показан мотив «надломленности» самих оснований крестьянской жизни. Рядом с Олешей возникает фигура Авенира Козонкова, бывшего колхозного активиста, до старости не расстающегося с «руководящими» замашками.

Обращаясь к городским сюжетам, Белов обыкновенно застаёт героя в состояниях дисгармоничных. Герой болезненно переживает недостаток сердечности, любви, простоты в людях, и только неиссякаемая вера в добро да счастливо сложившиеся обстоятельства позволяют ему не падать духом («Воспитание по доктору Споку», 1974 г.).

Трагическая эпоха коллективизации оказывается в центре внимания Василия Белова с начала 1970-х. Писатель выходит к новому для него жанру – роману-хронике, создавая «Кануны» (ч. 1–3, 1972–1984 гг.) и продолжение их: «Год великого перелома» (1989–1991 гг.), «Час шестой» (1994–1998 гг.). По ходу создания этих произведений границы изображения раздвигаются, суrowей становятся краски, а кисть – более жесткой. Знаменательно, что «хронике» Белова, как писатель определяет жанр своего произведения, предпослан эпитафия: *«Всеобщая война, которая разразится, раздробит славянский союз*

и уничтожит эти мелкие тупоголовые национальности вплоть до их имени включительно. Да, ближайшая всемирная война сотрет с лица земли не только реакционные классы и династии, но и целые реакционные народы, и это также будет прогрессом.

...Мы знаем теперь, где сосредоточены враги революции: в России и в славянских землях Австрии... Мы знаем, что нам делать: истребительная война и безудержный террор».

Фр. Энгельс

В отличие от остальных почвенников, Василий Белов никогда не был ни обличителем, ни плакальщиком, но не был и идеалистом. Писатель старался найти главное, на чем и вчера, и сегодня держатся народная этика и эстетика, национальная русская жизнь. Он брал за основу простые народные истины, живое народное слово и вечный простой крестьянский круг жизни. Об этом – его книга «Лад» (слово, удивительно точно передающее суть художественного мира Белова, которое является в нем корневым). «Лад» (1979 г.) – самая оптимистичная, даже праздничная книга писателя, где мир крестьянской общины, семьи, хозяйства, работ и досугов, ремесла и художеств, обычаев и языка предстает в идеально «ладном» состоянии, в каком помнит его история и видит сам Мастер. Лад порождается правильной ритмичностью всего кругооборота земной жизни.

Безусловно, и Валентин Распутин, и Александр Солженицын, подобно Василию Белову, дали нам образы «уходящей природы» – народного героя: Матрены, Дарьи, Ивана Денисовича, которые, при всей конкретности их описаний, являются образами символичными, некими знаками народной трагедии и народного разлада. Но настоящий, кондовый северный крестьянин Василий Белов – единственный способен был уловить всю систему народного русского лада.

Новую непростую задачу ставит себе Василий Белов в романе «Всё впереди» (1986 г.) – исследовать современную русскую жизнь, «человеческую породу» в условиях городского смешения наций, традиций, стилей, в столкновении разных нравственно-психологических типов. Затронутые в романе мотивы переходят в публицистику писателя, переплетаясь с основными темами его творчества – крестьянства, нравственного самоопределения человека, сохра-

нения природы и национальной культуры. Яркое выражение они нашли в выступлениях В.И. Белова в качестве народного депутата СССР (1989–1992 гг.) и члена Верховного Совета (1990–1991 гг.), а также в ряде статей и книг («Начать с личного самоограничения». – «Сибирь», 1988 г., № 1; «Из пепла...». – «Наш современник», 1991 г., № 4; «Внемли себе», 1993 г. и др.). В своей «почвенной» позиции Белов тяготеет к философским и историческим воззрениям И.А. Ильина, чьи избранные работы он подготовил и издал с собственным предисловием (Ильин И.А. «Одинокий художник». – М., 1993 г.).

Перу Василия Белова принадлежат рассказы для детей, юмористические миниатюры («Бухтины вологодские завиральные в шести частях»), пьесы («Князь Александр Невский», «Над светлой водой» и др.), киноповесть «Целуются зори...».

В 1997 году за большой личный вклад в развитие отечественной литературы и отражение самобытности традиций Русского Севера Василию Ивановичу Белову было присвоено звание Почётного гражданина города Вологды. Лауреат Государственной премии СССР, лауреат Литературной премии им. Л.Н. Толстого, В.И. Белов награжден орденами Ленина и Трудового Красного Знамени.

Скончался писатель 4 декабря 2012 года. Похоронен в родном селе Тимонихе на Вологодчине.

Первый

*«Вот это тысячелетний русский человек!
Вот таким его Северная Русь создала,
и таким он сберегся в своем творчестве.
Он – великий гражданин России,
такой, какими были Хомяков, Аксаков, Леонтьев,
Розанов, Меньшиков.
Василий Белов – патриот этого ряда».*

В. Лихоносов

Василий Иванович Белов – самый первый лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова и единственный аксаковский лауреат, с ко-

торым мне не суждено было встретиться в Уфе. Тем не менее, мое знакомство с писателем состоялось, и даже лет на десять раньше его приезда в наш город. Встреча эта произошла в Москве.

В 1986 году я была на курсах повышения квалификации в МГПИ им. В.И. Ленина. Да, в «плохие» советские годы была такая форма учебы для преподавателей высшей школы: раз в пять лет, независимо от возраста, должности и остепененности, мы должны были за три или четыре месяца повысить квалификацию, подучиться по своим предметам на родственной кафедре ведущих вузов страны. Наш филологический факультет «вели» кафедры русской литературы МГПИ им. В.И. Ленина (Москва) и ЛГПИ им. А.И. Герцена (Ленинград). Мы слушали лекции лучших филологов страны, которых приглашали из разных вузов, а не только из базового, в который мы приехали. Это была замечательная форма поддержания уровня высшей школы нестоличных или, как сейчас говорят, региональных вузов Советского Союза. Кроме непосредственно учебы, благодаря замечательным традициям, которые укоренились за десятилетия, мы старались повышать свой уровень во всех ипостасях и по всем направлениям. Например, в деканате МГПИ частенько предлагались билеты в московские (ленинградские) театры. Особенно мы «охотились» за билетами на спектакли современных советских драматургов. Так, именно в эти годы мне посчастливилось посмотреть несколько спектаклей Виктора Розова, в том числе «Шумный день» с молодым Олегом Табаковым. И несказанно повезло: я побывала на премьере пьесы Сергея Михалкова «Пена» в Московском театре сатиры, на которой присутствовали автор, С.В. Михалков, и К.М. Симонов.

Еще одной традицией мы пользовались уже бесплатно. Это было посещение Библиотеки им. В.И. Ленина, где нередко проходили встречи с известными советскими писателями. Мне запомнилась встреча с Андреем Вознесенским. И именно там, в Библиотеке им. В.И. Ленина, состоялась незабываемая встреча с Василием Ивановичем Беловым. К этому времени он стал уже известным писателем, был узнаваем и любим. Только показавшись в дверях – мы встали и зааплодировали. Мне хорошо запомнился этот волнительный и трогательный момент. К импровизированной кафедре Белов шел спокойно, неторопливо, чуть склонив голову набок. Держался

он очень скромно, было видно, что аплодисменты ему не нужны, они – лишние на этой встрече.

Вопрос: Василий Иванович, Вы воспели свою Вологодчину, родную землю, рассказали о людях, об их проблемах, радостях и бедах...

В.Б.: Вологодская земля – это Константин Батюшков, Александр Яшин, Николай Рубцов, Сергей Викулов, Виктор Астафьев, Гиляровский... Много у нас людей известных. Я получил благословение на писательское дело от Александра Яшина. Вообще всю историю своего становления я очень хорошо помню. Помню, как голодный ходил, холодный. Соломенные лепешки ел. И сам эту муку соломенную толоч. Для того, чтобы истолочь сухую солому, резаную, в муку, – надо было тысячу раз пестом стукнуть. Потом в эту пыль добавляли картошки и получалась вот такая лепешка.

Мой покойный отец на заработки ездил все время. А мы копились, нас мать родила шестерых, а вырастила пятерых в таких условиях. Приходилось солому толочь. Я во время войны именно это дело и делал. Отца на войне убили. Нас осталось пятеро. Все растут, всем нужна еда, одежда.

Вопрос: Ваш отец Иван Федорович сложил голову в Духовщинском районе в сентябре 1943 года – «вернулся-таки к земле, не к родной вологодской, а к смоленской».

Вы были на Смоленщине. Отыскивали могилу отца?

В.Б.: Нет, не отыскал. Знаю, что он лежит в одном из трех мест, а где точно – не ведаю. По моим данным, я об этом писал, первая могила была на берегу реки Царевич. Во время боев река сделалась бурой от крови – немецкой и русской. Это мне рассказал один старик. Так вот, была на пригорке братская могила. Потом ее раскопали. Был тогда указ Ворошилова о том, чтобы привести в порядок все могилы... В общем, где лежит отец, я не знаю.

Я сам служил в армии, в Красном Селе. Там же в 1920-х годах служил срочную и отец. Я прослужил почти пять лет. Мечтал об университете, а у самого еще и девяти классов не было. Представьте, как я себя чувствовал. В учебной школе разрешалось учиться только офицерам и сверхсрочникам. Но офицеры – они уже на ногах стояли, сверхсрочники многие учились, а мне, ефрейтору, учиться было не положено. Я ведь до ефрейтора дослужился.

Вопрос: Как живется Вашим землякам сегодня?

Что стало с Вашей родной деревней Тимонихой, куда не вернулось с войны ни одного солдата(!): она тоже исчезла с лица земли, как исчезла та Каравайка из Вашей повести «За тремя волоками»?

В.Б.: Практически исчезла. У нас, как правило, деревни были маленькие – дворов по двадцать-тридцать. Но зато они стояли часто, обычно вдоль речек, около озер. Пройдешь километра полтора – деревня, еще немного пройдешь – опять деревня. Самая большая была деревня Борисовская – сто двадцать домов, это от Тимонихи далеко. Так и Борисовская тает на глазах. А в нашей деревне перед войной было двадцать три дома. Жили люди, и зимой и летом, работали в колхозе.

Я был счетоводом в колхозе, потому что практически один закончил семь классов. Хотел дальше учиться, но надо было работать – за копейки. Я помню, полкопейки на трудовень давали.

Вопрос: Василий Иванович, Ваши герои, как правило, удивительно терпеливы, сострадательны, стыдливы... Эти качества были всегда присущи русскому сознанию? Чего, на Ваш взгляд, сегодня не хватает нашим людям?

В.Б.: Все русские люди с этим чувством живут... У моего поколения беда была одна: почти у всех не было отцов – у кого на фронте погибли, у кого раскулачили или расстреляли, как у Шукшина. Я умудрился выжить без отца. Отец погиб, когда мне было десять лет...

Вопрос: Что, на Ваш взгляд, самое главное в литературе?

В.Б.: Важнее всего в литературе, наверное, нравственная сторона дела. Пусть у меня не было аттестата, пусть не было классического образования, а нравственное воспитание, я думаю, сумел получить. И от земляков своих, и особенно от своей матери, Анфисы Ивановны.

Вопрос: Вы считаете себя советским человеком?

В.Б.: А какой иначе? Я не буржуазный человек. Советский человек, по-моему, – это прежде всего и русский человек, потому что вне национальности людей не существует... А что нам, русским, гордиться нечем? Вот я и горжусь своими крестьянскими русскими корнями.

...Это был конец 1986 года. Для Белова – год, когда он сделал крен, на мой взгляд, неожиданный не только для страны (да-да, сегодня просто невозможно представить, но страна была настолько читающей, что выход в свет новых произведений известных советских писателей всегда становился событием, о них говорили, спорили, их бурно обсуждали), но и для себя: вышел в свет его новый роман «Всё впереди».

Помню, я прочла его в очередном номере «Роман-газеты». Это периодическое издание выходило и в мягкой обложке, и на очень дешевой бумаге, и шрифт был предельно экономным, но, вместе с тем, играло почетную роль скорой интеллектуальной помощи «самой читающей стране в мире»: настолько быстро, грамотно и оперативно реагировал на события литературной жизни небольшой, но слаженный коллектив. Ко мне журнал попал от моих коллег по кафедре литературы уже изрядно потрепанным, но с аккуратно вложенными белыми закладками, а сам текст был «дополнен» карандашом на полях замечаниями, которые были мне, как преподавателю современной русской литературы, чрезвычайно интересны. Я прочла роман за ночь, буквально взахлеб, так как утром уже должна была его вернуть. Позже я «достала» новенький номер и почему-то бросила его в чемодан перед поездкой в Москву – скорее всего, чтобы читать в поезде. Так очередной номер «Роман-газеты» поехал со мной на ФПК в Москву, оказался на встрече с автором и получил его автограф. Автограф Василия Ивановича Белова. Мелкими «бисерными» буквами написано: В. Белов.

В предисловии к первому изданию романа на вопрос, что сейчас составляет его главную боль писателя и гражданина, Василий Белов ответил: «Все, что касается современной семьи!.. Разрушение семьи, которое происходит, может обойтись нашему государству очень дорого. Это чувствуется уже теперь и в нравственном, и в экономическом, и в демографическом смыслах...».

Начиная с повести «Привычное дело», принесшей писателю всеобщую известность, с книги рассказов «Воспитание по доктору Споку», за которую Василию Белову присуждена Государственная премия, и до последнего, вызвавшего ожесточенные споры, романа «Всё впереди», Мастер всесторонне и бескомпромиссно исследует все, что касается современной семьи, этой первоосновы человеческого общества.

Остроконфликтный, полемичный, написанный гневной, но милосердной рукой, роман «Всё впереди» никого не оставил равнодушным. Здесь Белов круто изменил манеру письма, применив живой и хлесткий стиль заправского московского писателя, как бы отдался круговерти телефонных звонков, метаний в такси по улицам и даже (совсем неожиданно!) начал с туристической поездки «льготных» (политически проверенных) москвичей во Францию. При этом новые ноты, зазвучавшие в советской жизни как раз в середине 80-х, писатель игнорирует, концентрируя внимание читателя на пустоте развращённых столичных нравов и распаде семей.

Виктор Лихоносков, лауреат премии им. В. Белова «Всё впереди» (надо же, больше всего досталось автору за этот роман, а после его смерти получилось, что он оказался пророком, и назвали премию в честь именно этого произведения), так определяет место Василия Белова в истории русской литературы XX столетия: «Это был человек крестьянского рода, который нес в себе тысячелетнее русское чувство... Анечка, дочка Василия Ивановича, сказала лучше всех: «Папа так и не смог уйти из мира деревни», он там так и остался. Белов повидал Италию, Францию, Москву, Петербург, а весь-весь пребывал в своей деревне, со своими понятиями, любовью, привычками. Он нигде не хотел жить, кроме дома. Он даже Вологдой томился...».

...У Михаила Чванова есть рассказ «Уральская Подгорная в Белграде». ...Василий Иванович Белов, Вячеслав Михайлович Клыков, Михаил Андреевич Чванов оказались в Белграде по приглашению президента Милошевича. На дворе – 1991 год, и он тоже, на мой взгляд, герой рассказа. Вдруг русские в шумном городе Белграде, столице Югославии, услышали русскую гармошку, а автор узнал в этой мелодии знакомую с детства «Уральскую Подгорную». Чванов не был бы Чвановым, если бы не пошел на звуки русской гармошки. «Клыков пошел за мной машинально-послушно, еще, кажется, не поняв, куда и зачем я его тащу. Белов – с явным неудовольствием». Гармонист оказался мужчиной лет сорока, «в русском картузике, а окружала его, как часто это бывает, толпа зевак и гуляк, соответственно нарядно одетых. Как ни странно, на нищего он не был похож: рядом с ним не было ни баночки, ни коробки, а деньги ему клали прямо на траву».

Здесь Чванов, с присущей ему честностью, показывает отличающуюся от всех героев рассказа реакцию Белова. Автору было почему-то радостно: «вдруг почти земляк в середине Европы с гармошкой...», «...обычно улыбчивый Клыков тоже заулыбался...». «А Василий Иванович Белов вдруг взъелся на моего почти земляка: «Что ты тут сидишь, позоришь себя и Россию?! На Родине беда, а ты шляешься нищим-побирушкой по миру. Здоровый бугай, лопату бы тебе, или на комбайн, на трактор бы сел, на носу уборочная страда, в деревне мужика нормального нет... А ты шляешься побирушкой по миру. Возвращайся домой, если еще совесть совсем не потерял!..

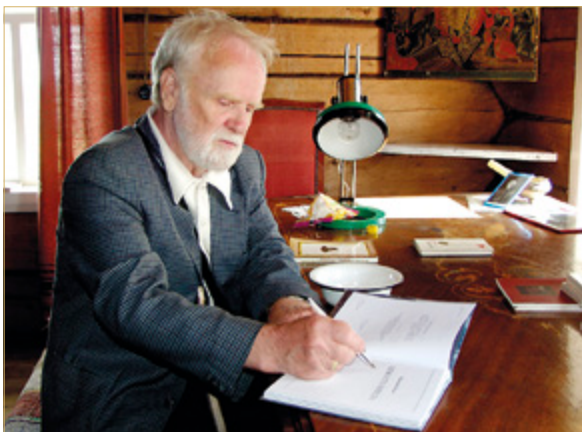
Василий Иванович круто развернулся и, не дожидаясь нас, пошел прочь».

Деревенская проза двадцатого столетия – это уникальное, неповторимое направление в нашей культуре. Одновременно в нее пришли старшее поколение, фронтовики Евгений Носов, Федор Абрамов, далее – Василий Шукшин, Валентин Распутин, Виктор Лихоносов. У Василия Ивановича Белова – свое особое место, он дал нам русскую крестьянскую вселенную как своеобразную энциклопедию русской жизни. И он «выбивается первичностью своего открытия и знаковостью своих народных образов даже из мощной когорты писателей так называемой деревенской прозы. Пожалуй, он единственный и был способен еще понять народный крестьянский лад», – так характеризует его один из ярчайших критиков нашей литературы В. Бондаренко.

В октябре 2007 года газета «День литературы» посвятила весь номер 75-летию В.И. Белова. Владимир Бондаренко публикует на первой полосе блестящий материал «Народный гений». «Время пришло – называть все знаковые величины XX века своими именами. Одним из первых в этом знаковом ряду второй половины столетия, несомненно, стоит Василий Иванович Белов».

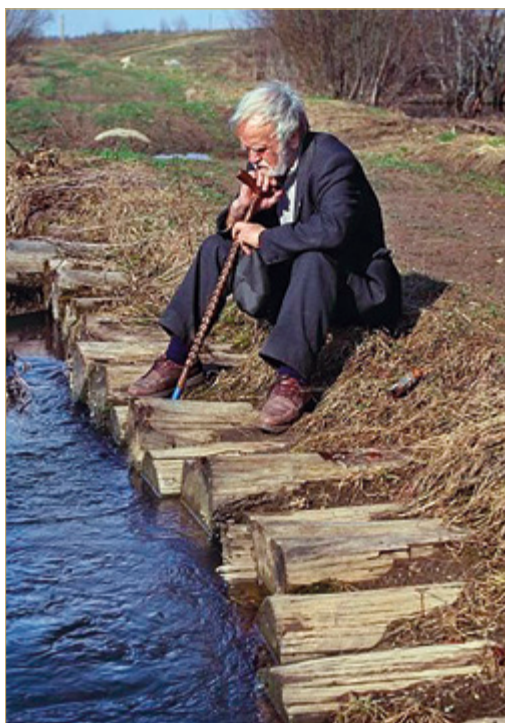
Великий русский писатель – Василий Белов

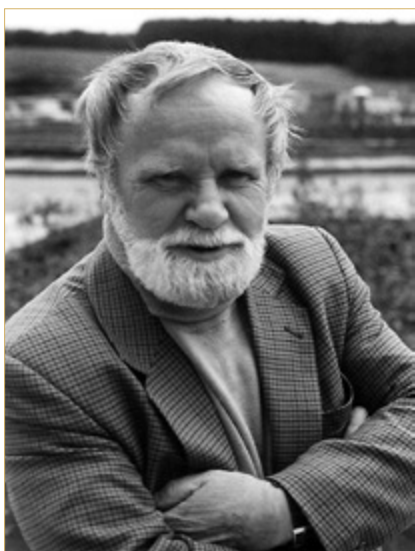
В.И. Белов за работой

Константин Скворцов и Василий Белов

Думая о судьбах России...

Василий Белов на встрече с детьми

Валентин Распутин

*Лауреат Всероссийской
литературной премии
им. С.Т. Аксакова (2005 г.)*

«Россия спасется провинцией»

«Книга жизни человека начинается со страниц детства».

В.Г. Распутин

«...Его выстраданная биография глубоко запрятана в его книгах».

М.А. Чванов

Валентин Григорьевич Распутин родился 15 марта 1937 г. в Сибири, в посёлке Усть-Уда. Когда ему исполнилось два года, родители переехали в деревню Аталанку.

Учиться Валентину Распутину пришлось в поселке Усть-Уда, за полсотни километров от деревни, где он жил: в Аталанке была только начальная школа. В будущем он описал свою жизнь этого сложного периода в удивительно достоверном и пронзительном рассказе «Уроки французского» – единственном

впрямую автобиографическом рассказе, где повествование идет от первого лица. Сюжет естественен и правдив: небольшой отрезок времени из послевоенного безотцовского детства, голодного на фоне благородства и безграничной человечности со стороны постороннего человека. Но автор не изображает ребенка несчастным, тем паче – жалким, напротив, мы видим мальчика удивительно смыслёного и пытливого. Как вспоминали впоследствии, Валентин в детстве читал всё, что попадалось в руки: обрывки газет, журналы, книги, которые можно было раздобыть в библиотеке или в домах односельчан. «...Мать, наперекор всем несчастьям, собрала меня, хотя никто из нашей деревни в районе не учился. Я был первым», – пишет Валентин Распутин в рассказе «Уроки французского».

Уже на первой своей лекции, рассказывая о жизненном пути Валентина Григорьевича, я сознательно выделяла место рождения писателя: Сибирь, таежный берег могучей Ангары, поселок Усть-Уда, село Аталанка, «священный Байкал», Россия. Именно здесь рос и мужал наш современник и классик русской и мировой литературы. Эти природообразующие факторы – суть его творчества, почва, его корневая система. Я считала их основополагающими для становления, формирования личности будущего писателя и его творчества. Красивейшая сибирская природа, увиденная в раннем детстве, так поразила его, что стала неотъемлемой частью каждого произведения, одушевленным героем.

«Моя биография – это мои произведения», – более чем кто либо, мог сказать эти слова Валентин Распутин. Я старалась отталкиваться от этой фразы, как от печки: «Родился я в тридцать седьмом году, в трехстах километрах от Иркутска, – в Усть-Уде, что на Ангаре. Так что я – коренной сибиряк, или, как у нас говорят, тутошний. Отец мой крестьянствовал, работал в леспромхозе, служил и воевал... Словом, был как все», – вспоминал писатель. «Был как все» – это тоже важно: жизнь, как у всех, рядом с людьми, – маленькая, но часть народа.

После возвращения отца с фронта в жизни семьи, казалось, всё наладилось: мать работала в сберкассе, отец, герой-фронтовик, стал заведующим почтовым отделением, – словом, на селе уважаемые люди, сельская интеллигенция. Беда пришла оттуда, откуда её никто не ждал. На пароходе у Григория Распутина отрезали, украли сумку с казёнными деньгами; сумма была небольшая, но и ее в суровые послевоенные годы было вполне достаточно, чтобы загреметь

на Колыму, откуда он уже не вернулся. Трое детей остались на попечении матери, работу в сберкассе пришлось оставить. Для семьи начались суровые, голодные годы, а драматическая история из детства нашла глубокое отражение в ранней повести Распутина «Деньги для Марии» (1967 г.). И сразу – высокая оценка критики: «Писатель родился!» (Ф. Кузнецов), после публикации которой Распутина приняли в Союз писателей СССР. О новом талантливом и самобытном авторе заговорила самая читающая страна, с радостью отмечая в нем продолжение лучших традиций русской классической литературы.

В самом начале у Распутина – своеобразная сгущенная детективная «затравка» (так будет и в последующих его произведениях), а уже потом – «стоп-кадр». В результате вся повесть – «замедленная съемка»: нарушается обычная спокойная жизнь, ее естественное размеренное течение... В этот момент прорыва, вдруг, – нависает беда, катастрофа, смерть.

«Деньги для Марии» – первая повесть Валентина Распутина. У продавщицы Марии в сельмаге – недостача в 1000 рублей. Для настоящего жулика – так, мелочевка, но для Кузьмы-тракториста, его жены Марии и их троих детей – сумма нереальная и неподъемная. Вот и вся история. Но повесть не о краже, а о том, как Кузьма искал деньги для Марии, чтобы покрыть недостачу. И вот тут и начинается повесть, где главный герой – Кузьма. Повесть о том, как Кузьма из дома в дом, от человека к человеку, от одной деревни к другой ищет деньги, деньги для Марии.

В «плохие» советские годы даже ревизоры попадались не только не взяточники, но просто хорошие люди, так вот, этот хороший человек понял, что Мария вляпалась в «историю» по доброте душевной, и дал пять дней, чтобы собрать деньги и внести обратно в кассу. Ключевая фраза – деньги для Марии – то ли рефрен, то ли пароль... Задолго до наших дней, аж в прошлом столетии, Распутин сверхзадачей своей повести ставит и показывает магазин как гиблое, проклятое место, а деньги (как водка в «Последнем сроке») возвеличены в некоего идола, одушевленное существо, которому надобно служить: «Ты, бабуся, не думай, деньги тоже с понятием... Мы друг друга понимаем. Мне их не жалко, им себя не жалко. Пришли – ушли, ушли – пришли». В этой же повести появляется любимый Распутиным образ «народного философа» – дед

Гордей. Потом, в «Последнем сроке», будет старуха Дарья... Уже здесь, в первой повести, появляется и постоянный «герой» всего творчества Валентина Григорьевича – природа.

И навсегда в произведениях писателя «поселяется» предательство. Тогда, в прошлом веке, когда мы анализировали со студентами на занятиях по советской литературе «Деньги для Марии», я и предположить не могла, что уже первая повесть у него – предупреждение о надвигающейся, как я бы назвала, «чуме XXI века», постмодернизме. Думал ли Валентин Григорьевич тогда, что это, с позволения сказать, направление литературы, культуры, минуя «перестроечные-перестрелочные», будет сегодня «править бал». Вслед за Распутиным убеждена: стержень этого явления – предательство.

Как известно, любимые образы Распутина – женские, особенно старухи. Главная героиня повести «Последний срок» (1970 г.), старуха Анна, – одна из них. «Деревенские старухи полны внутренней красоты и обаяния, они многое знают, говорят выразительным языком», – так характеризует писатель своих любимых героинь в книге «Быть самим собой». Как и положено у Распутина, в начале повести событие задается сразу: умирает восьмидесятилетняя Анна. Как и в предыдущей повести, начало короткое, простое, строгое, я бы осмелилась сказать, зловещее: впереди – смерть. Но повесть не об этом, а о том, что приехали, собрались дети Анны не проститься, а похоронить мать, и чем раньше – тем лучше. А мать не только не умирает – ей становится лучше, что вызывает у детей не просто раздражение, а досаду: потратились на дорогу. Взрослые дети предают старуху-мать.

«Ночью старуха умерла». Так заканчивается очередная повесть Валентина Распутина о предательстве.

Знаковым оказался для писателя 1977 год. За повесть «Живи и помни» (1974 г.) его наградили Государственной премией СССР. Это произведение – о человечности и той трагедии, которую принесла стране Великая Отечественная война. О сломанных жизнях и силе русского характера, о любви и страданиях. И о том, как одно предательство тянет за собой их вереницу. Герой повести Андрей оказался на исходе войны в госпитале недалеко от дома, поэтому был уверен, что перед возвращением на фронт ему разрешат съездить

домой. Но ему не позволили, и он, не устояв перед соблазном, ушел сам. Дезертировал. Предал, тем самым поставил перед выбором уже жену, Настену, взвалив на нее свою ношу: грех, предательство. Предал Родину, родителей, жену, односельчан. Цепь предательств растет, усиливаясь по ходу развития событий, и приводит в итоге к трагедии.

Повесть «Прощание с Матёрой» (1976 г.) – о том, как на Ангаре строят электростанцию, в результате чего вода поднимается и топит деревню. Имя деревни – «Матёра». Не правда ли, родной сюжет и для Башкирии! Вместе с деревней должны уйти под воду и родные дома, и кладбище, где лежат деды и прадеды. Для стариков и старух затопление Матёры, как, впрочем, и любой другой деревни, равноценно предательству Родины. Матёра и есть для них Родина – и вовсе не малая.

Почти через 10 лет после «Матёры», в 1985 году, появляется новая повесть Распутина – «Пожар», где он выполняет свое обещание, данное читателю: ведет его как раз в тот поселок (как бы), куда свозили жителей затопленной Матёры (Сосновки, Аталанки, Павловки, имя им – легион). Предложив не совсем, возможно, «распутинскую» повесть, писатель объясняет свое долгое молчание тем, что за этот немалый для жизни человека срок (10 лет) уже могли проявиться новый уклад жизни, новые взаимоотношения между людьми, их характеры и ценности. Эпиграф повести:

Горит село, горит родное...

Горит вся родина моя.

(Из народной песни)

Через полгода, 26 апреля 1986 года, произошла Чернобыльская катастрофа. Безусловно, пожар в повести – конкретный символ, с другой стороны, по Распутину, пожар – испытание для людей: он пожирает внешнюю, материальную, суть героев, одновременно высвечивая их сущность, – нутро. И на поверку получается, что истинная-то катастрофа в повести – не столько пожар, сколько «рукотворный» погром, который устраивают люди. «Перед глазами все смешалось – пожар изнутри и пожар настоящий, те и другие огни наплы-

вали и кипели вместе», – это уже автор. Чем же отличаются жители Сосновки от жителей Матёры, Аталанки? Главным – как и герои Василия Шукшина, здесь – ни в городе Иван, ни в селе Селифан, это не деревня уже, но и не город еще. В поселках городского типа, как мы их называем, люди оторваны от земли напрочь, в Сосновке вообще отсутствует земледельческий труд. Весь поселок занимается заготовкой леса, значит, потеряно чувство земли, чувство оседлости. Это – катастрофа, считает Распутин: у человека, потерявшего инстинкт земледельца, на подсознательном уровне культивируется психология потребителя, иждивенца. Финал этой эволюции – захребетник, паразит, «знающий одну дорогу – в магазин: и чтоб поесть, и чтоб время до работы скоротать, а затем и работу прихватывая, заслоняя ее магазином, а чем дальше, тем слаще и неудержимей». Распутин предупреждает: две стихии напустили на людей (на нас!) – воду на Матёру и огонь – на склады Сосновки.

Герои Распутина вместе с ним чувствуют надвигающиеся перемены и вместе стараются понять причины необратимости. Конечно, они не знают слова «постмодернизм», но каждый знает, что «путаник он несусветный, человек твой. Других путает – с него спросится. Дак ить он и себя до того запутал, не видит, где право, где лево... Будто как по дьяволу наущенью» («Прощание с Матёрой»).

Мир меняется, герои Распутина в этом выворачиваемом наизнанку мире чувствуют себя неуютно и, чаще всего, не найдя в себе сил прижиться в нем, задаются вопросом: как и зачем жить дальше, если, «можно сказать, перевернулось с ног на голову, и то, за что держались еще недавно всем миром, твердью земной, превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность и чуть ли не в предательство» («Пожар»). Сегодня мы – свидетели рождения нового человека, для которого предательство – это норма, его суть, его стержень.

Проза В.Г. Распутина оказалась пророческой по отношению к настоящему времени. Исследуя феномен предательства, его психологию и философию, В.Г. Распутин предупреждал своего современника о грядущих и неотвратимых переменах, о том, что «свет переворачивается не сразу, не одним махом, а вот так, как у нас: было не положено, не принято – стало положено и принято, было нельзя – стало можно, считалось за позор, за смертный грех – почитается

за ловкость и доблесть. И до каких же пор мы будем сдавать то, на чем вечно держались?» («Пожар»).

Дискуссию о постмодернизме в русской литературе первым начал В.Г. Распутин. Его повести, рассказы – не просто плач по селу, не просто исследование деревни, это размышления о месте русской цивилизации в эпоху крушения одной системы ценностей и становления, утверждения другой.

Творчество В.Г. Распутина – это пророчество, сбывшееся уже при жизни писателя. Это призыв вернуться не к дедовской старине и патриархальности, а к самим себе.

Не стало писателя 14 марта 2015 года. С уходом Валентина Распутина закончилась русская литература XX столетия. Какая будет она в XXI столетии – покажет время.

Вернуться к своим корням, чтобы остаться людьми

Русская литература стала великой, единственной и неповторимой в мире, потому что ее вершинами явились писатели, олицетворяющие совесть народа. Такими были Гоголь, Достоевский, Чехов. Таким был и Валентин Григорьевич Распутин. Совесть для него – понятие ключевое, это стержень всех произведений писателя. Хотя сам он говорил: «Ничьей совестью я не хочу быть, дай Бог, со своей поладить. Но что пишу я для своего народа и всю жизнь служу ему своим словом – от этого не отказываюсь. Я одного боюсь: перерождение в народе совершается быстрее, чем предполагалось».

Для меня Валентин Григорьевич Распутин – личность и писатель – неразделимы, а вместе это – явление. Именно так я его характеризовала на лекциях по современной русской литературе, поскольку его литературное творчество уже при жизни стало национальным наследием, а личность и общественная деятельность – гражданским подвигом. Сегодня мы не можем представить литературу, культуру без него, без его имени. «Мы» – это не только специалисты-литературоведы, филологи, «мы» – это читатели, те, кто к литературе не имеет прямого отношения, но при этом имеет собственное мнение

о Распутине и убеждение в том, что и дети, и внуки будут знать нашего великого современника.

После смерти В.Г. Распутина я прошла по некоторым уфимским библиотекам и счастлива была обнаружить, что уфимский читатель не просто читает и перечитывает его произведения: писатель продолжает оставаться мощно притягательным и для специалистов, и для обычных читателей.

М.А. Чванов после кончины Валентина Григорьевича опубликовал в журнале «Наш современник» письма Распутина к нему с пронзительным и пронизывающе-острым вступлением-некрологом. «...Уфу вспоминаю часто, – пишет В.Г. Распутин в одном из них. – Она до сих пор щедра ко мне. На днях в Государственной библиотеке Савва Ямщиков устраивал презентацию своей книги. Я был среди зрителей. И вдруг подсаживается ко мне женщина и протягивает баночку башкирского меда. Я: «Да не надо, да что вы!», а она пристыдила меня, вручила и отошла, я потом и не нашел ее. Пришлось и самому себя пристыдить, но мед был таким душистым-запашистым, что и стыд мой в нем растворился».

Обо всех сочинениях Распутина можно сказать одной фразой поэта: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет». Всю свою жизнь он радел о русском человеке, страдал за него, пытался его объяснить. Иногда казалось, что своими житейскими муками он искупает всю русскую боль, принимая ее на себя.

Годы перестройки и безвременья Валентин Григорьевич переживал крайне тяжело. Ему были чужды новые «либеральные ценности», которые вели к разрыву с корнями и уничтожению всего, что так дорого его сердцу. Об этом – повести «В больнице» и «Пожар». «Хождение во власть», как Распутин называет своё избрание в депутаты парламента и работу в составе Президентского совета при Михаиле Горбачёве, по его словам, «ничем не кончилось» и было напрасным. Даже моя любимая «Литературка», которую я выписывала со студенческих лет, предала имя и творчество В.Г. Распутина полному забвению. Спасибо сегодняшнему главному редактору Ю.М. Полякову, который свою деятельность в газете начал с проекта «Возвращение справедливости» (назовем его так): он поставил на свое место А.М. Горького, который всегда стоял рядом с А.С. Пушкиным, и вернул русскому читателю бесценные материалы В.Г. Рас-

путина, а также статьи о нем самом. Думаю, было бы еще более правильно определить место Распутина вслед за Горьким. В некрологе «Пока живы, помним», опубликованном «Литературной газетой», Валентин Распутин назван одним из тех художников слова, которые не забываются. Безусловно, так: помнить и почитать его – это вопрос не уважения, а совести, ведь он столько сделал, чтобы мы с вами стали лучше!

Не скрою, в курсе лекций по истории современной русской литературы тема «Жизненный и творческий путь Валентина Распутина» была моей самой любимой, если не сказать – сокровенной и, одновременно, самой трудной. Трудной потому, что, несмотря на безупречно отточенный язык произведений, он оставался для меня таинственным, бездонным, при этом, не побоюсь сказать, глубоко понятным, а полифония, многозвучие его произведений усложняло нашу со студентами работу с текстом. Потрясающе, мастерски закрученные детективные сюжеты «разгадать» с первого захода было тоже не просто. Я не жалела для анализа произведений Мастера времени, «подворывала» часы у других писателей, да простят меня замечательные братья по цеху Валентина Григорьевича. Мы наслаждались распутинскими текстами, на них училась сама и учила студентов. Вместе мы вчитывались в роскошную ткань его прозы, все более в нее углубляясь, стараясь увидеть смысл и значение в каждом слове. Услышать, разгадать как можно больше мелодий в полифонии повествования Распутина – это была моя сверхзадача. Сложность состояла и в том, что это был современный автор, поэтому оставалось надеяться только на себя, а не на критику (по традиции). Что я и делала. Откликаться нужно было сразу, сиюминутно... Еще и ответственность огромная – первой анализировать самого Распутина! Конечно, трусил.

Как-то на одной из литературоведческих конференций я осторожно сказала, что есть в произведениях Распутина некая мистика, потому что жизнь, которую он описывает, исследует, во многом является таинственной и необъяснимой для самого Мастера. Не все коллеги тогда поддержали меня. И вдруг недавно, копаясь в исследованиях творчества моего дорогого автора, я встречаю распутинское: «В Сибири легко поддаться мистическому настроению...» (1983 г.). И еще: «Порывистость и оцепенелость, откровенность и затаенность,

яркость и сдержанность, щедрость и открытость – уже в понятиях, имеющих отношение не только к природе, – это и есть Сибирь».

Валентин Григорьевич! Как хорошо я Вас понимаю: незабываемые картины моего детства – любимая река Белая с ее белыми пароходами на водной глади, пышные зеленые берега, цветущие луга, яркие березовые рощи... Ничего этого сегодня нет!

...Естественно, что о встрече с живым классиком я даже не мечтала. Но судьба, Бог и Михаил Андреевич Чванов подарили их мне целых две! Одна состоялась в моей Альма-матер в БГУ, другая – в наглухо запертом автобусе с глазу на глаз...

Встреча первая

Она состоялась 16 декабря 2005 года в аудитории 001 БГУ. Помню ее очень хорошо.

Валентин Григорьевич говорил тихо, неспешно и уж тем более – не пафосно. Как и писал. На вопросы отвечал тоже по-распутински: удивительно искренне, честно, порою даже мягко, в его речи и ответах не было и намека на категоричность, навязывание собственного мнения... Но, когда речь зашла об Отечестве нашем, о современной русской литературе, о положении русских в стране, голос его стал твердым и бесстрашным. Он, не боясь, без купюр, называл всё своими именами. Далее, коснувшись сокровенных для него русских памятников природы, таких как Байкал, Ангара, стал защищать их яростно и вдохновенно. О чем бы ни спрашивали присутствующие, лейтмотивом сказанного Мастером была Россия-матушка...

«Вы знаете, становится все труднее говорить о России, – вспоминаются слова писателя. – Кажется, любые слова, какими бы справедливыми они ни были, звучат замученно и пусто. Вся ложь уже вывалена на Россию и вываливается в сотый или тысячный раз. Заболтанная и проболтанная Россия вышла за те пределы, где верят словам, и уж тем более неспособны они никого воодушевить... Такое впечатление, что отнимается Россия: отнимаются и права, и заслуги, и недра, и будущее. И от этого становится жутковато. Отнимают-

ся национальность, традиции, культурные и нравственные ценности. Россия отнимается. И это нисколько не преувеличение. Образ страны, образ Родины создается из видимого и невидимого, материального и духовного, из глубин истории и высот святости. Не зря же мы пели: «Жила бы страна родная, и нету других забот». Жила бы она, а уж мы в ней и подле нее как-нибудь... Но жила бы во всем своем многообразии, песнях и легендах, во всей своей красе, простоте и вымученности.

Разве сейчас это Россия? Сама себе ставящая подножки, сама себя обирающая – разве это она?..».

Напомню читателю: эти слова были сказаны еще в 2005 году!

Вузовская аудитория Уфы, не привыкшая к таким откровенным лекциям, слушала, затаив дыхание. Мне казалось, что даже небольшие паузы в его речи были говорящими. Это чувствовалось по заинтересованным, благодарным лицам преподавателей и студентов уфимских вузов. Не могу не согласиться с Сергеем Шаргуновым: «При общении с Распутиным ты попадаешь под чары безмолвия и всякий раз теряешься и робеешь». Подобное состояние сопровождало меня не только на этой и последующих встречах с Валентином Григорьевичем, но и при чтении и перечитывании его книг. Честно признаюсь: тогда, в эту первую встречу с великим писателем, желания подходить к нему, задавать вопросы у меня не возникло – настолько самодостаточной, всеобъемлющей оказалась лекция (назовем ее так) «Русская литература и современность...».

2005 год в Уфе я бы назвала Годом литературы. Он вошел в историю России тем, что большому русскому писателю, лауреату Государственной премии и многих других наград В.Г. Распутину была присуждена Всероссийская литературная премия им. С.Т. Аксакова. Эту акцию, вслед за великой нашей современницей Татьяной Дорониной, хочется назвать «коронацией могущества» его писательского таланта.

Как не гордиться родным городом! В тяжелые «нулевые», когда русская литература в стране, мягко говоря, была не в чести, высокая литературная премия присуждается русскому писателю в Уфе, на родине С.Т. Аксакова. В силу обстоятельств Распутин не смог приехать на традиционный Аксаковский праздник в сентябре, поэтому торжественная церемония вручения премии состоя-

лась в конце года. «Конечно, я рад, что Аксаковская премия нашла меня, вернее, я ее нашел, – сказал писатель. – Мы, старая гвардия, достойны этой чести. Мне приятно снова оказаться в ваших краях, потому что Республика Башкортостан пользуется особенным вниманием и уважением в России. Это происходит не благодаря телевидению – слухами земля полнится. Российская политическая элита сегодня взялась за разрушение России, в центральных средствах массовой информации ведется по этому поводу активная пропаганда. Слава Богу, вы держитесь. В вашей республике хороший межнациональный климат и крепкий порядок, которые не оставляют надежд тем, кто хочет развалить страну».

Чем больше я слушаю, читаю, стараюсь понять Валентина Григорьевича, тем больше думаю о том, каково ему, поборнику русских православных традиций, слышать, как пересматривают нашу Великую Победу, как объявляют Зою Космодемьянскую не святой, а сумасшедшей... Как ему, с его Настеной, любимыми старухами, жить и дышать воздухом постмодерна, когда цельный, созидательный русский мир, наш мир, выворачивается наизнанку. А новый мир – постмодерна – навязывает 24 часа в сутки свою «правду». Беда, трагедия в том, что этот новый мир призывает в очередной раз «отречься от старого мира», от традиций и старых форм нашей истории и культуры, нашей жизни, и уже не предлагает, а требует и навязывает: фильмами, книгами, мощными телепроектами и, конечно, премиями, «баблом», которые растут как грибы после соросовских... И невольно думаешь: звенел, гремел колокол Гоголя в начале XIX века, когда писатель усаживал Чичикова в тарантас... А дальше: «Русь, дай ответ...». Эта крылатая Тройка, нет, эта Птица-Тройка, оставляя позади страны и народы, мчится вперед. Постораниваются народы. Не вняли... Еще более мощный колокол – творчество Ф.М. Достоевского (а на дворе уже – конец XIX-го). Каждый из его романов – предупреждения, романы-колокола...

Постмодерн не спустили нам с Марса, его адепты и апологеты, апостолы и пророки – давно рядом, с нами: за школьной партой, на одной лестничной клетке, на одной кафедре, к примеру, той же русской литературы.

Вот и в XX веке Валентин Распутин своими повестями, каждая из которых – о нас и для нас, предупреждает вновь...

И есть еще великая публицистика, великое слово-колокол Духовного Пастыря!..

Встреча вторая

Когда Валентин Григорьевич приехал за премией, мне захотелось взять у него интервью... Дело это было архисложным, потому что М.А. Чванов, оберегая Распутина, никого к нему не подпускал. И, кстати, был прав. Но я взяла с него слово, что, по завершении Аксаковского праздника, он даст мне возможность поговорить с Распутиным. А слово Чванов держит, проверено десятилетиями. И вот, наконец, настал последний день праздника, дальше тянуть было некуда. Я храбро подошла к Михаилу Андреевичу и сказала: «Вы обещали...».

А когда подходила к Валентину Григорьевичу, у меня сразу и голос пропал, и руки затряслись... Хотя мне, женщине, думаю, можно простить подобное! Даже Захар Прилепин – десантник, воин, мужик, в конце концов, оказавшись рядом с Распутиным, испытал то же самое. Не так давно он посетил Уфу и на встрече с читателями рассказал: «Я хотел подарить Валентину Григорьевичу свою книгу (*кажется, «Обитель» – Э.Ф.*), поблизости не было стола, я для удобства встал на колени – и вдруг понял, что об этом мечтал всю жизнь». Потом добавил, что этот жест не был осознанным, но он счастлив: судьба помогла ему подобным образом выразить глубокую любовь и преклонение перед великим Мастером.

Итак, мы сели с Валентином Григорьевичем в пустой автобус, я попросила водителя закрыть двери... Оставшись с писателем с глазу на глаз, оробела вовсе... Он подождал немного, потом сказал: «Ну, доставай свою машинку...». Если бы не эта фраза, я бы, наверно, так и не посмела достать магнитофон.

В нашей беседе мне было интересно и важно все, тем более, что у преподавателя литературы и читателя – вопросы разные. Но я выбрала несколько, так как поклялась Чванову «отвлечь» Валентина Григорьевича не более чем на пять-семь минут.

Э.Ф.: Валентин Григорьевич, в лекциях по русской литературе XX века я Вас называю классиком деревенской прозы... Я права, когда говорю студентам, что дело не только в фактическом исчезновении конкретных русских деревень («Прощание с Матёрой») – такой деревни не было, насколько я знаю... Россия, конечно, большая, но вот этот синонимический ряд: Матёра,

матерь, мать – это глубже, страшнее? А Сосновка в «Пожаре», а родная ваша Аталанка?

В.Р.: Матёру, мою деревню, затопили. Люди ее живут сейчас кто в городе, кто в рабочем поселке, и я должен идти за ними, должен смотреть, что ими утрачено, что приобретено. Я не решаю экономических проблем в своих произведениях, меня интересует моральная сторона проблемы – человек и то, что он приобретает или теряет в моральном плане от этого.

Э.Ф.: Вам не кажется, что мы сами долго попустительствовали выпадам либералов в сторону унижения нашей страны? Я никогда не примирюсь с тем, чтобы историю России длиной в 1200 лет разрывали на любимые и не очень любимые, и ненавистные, куски! Что мы имеем в результате сегодня? История великой страны – это цепь позорных поражений, катастроф, это страна-неудачник и пр. С помощью разного рода манипуляций все это внедряется в наше сознание. А Советский Союз – империя зла и исчадие ада! Мы в нем родились и получили всё...

В.Р.: Конечно, называть СССР «империей зла» могли только больные люди, но гнетущих застойных явлений, в том числе лжи, хватало. Мне кажется, что чувство безысходности в обществе нарастало. Я хорошо помню это время. Его не сравнить, разумеется, с тем, что произошло после. В последние годы коммунизма был «отработанный» воздух, упрямо не снимаемая завеса лжи, а в 90-е бандитским ударом по голове просто выбили всякие чувства, кроме омерзения и боли.

Чтобы избежать этого бандитизма в стране, что-то начинать делать надо было ещё в 70–80-е, а не скатываться равнодушно и «мужественно» в пропасть. Нужны были разумные, безболезненные, исцеляющие реформы, а дождались реформ Горбачёва и Ельцина. Многие десятилетия – никаких поправок ни в идеологию, ни в экономику...

Нельзя было произносить русское имя, жили с обдёрганной историей, философией и литературой. Свободы нужны были, но не те, которые грянули в конце 80-х – начале 90-х. Я и тогда был уверен, и теперь уверен, что такие постепенные и разумные реформы, как в Китае, были возможны и вполне осуществимы в России.

Поэтому пошёл к Горбачёву в Президентский совет. Не потому, что абсолютно доверял Горбачёву, а рассуждал примерно так: если не я, то Евтушенко или Коротич... А уж что бы они принялись советовать, сомнений не вызывало. Но, как ни горько в этом признаваться, они советовали и без места в Президентском совете, их советы ценились больше.

И вот эта горбачёвская политика забалтывания, обмана привела к тому, что люди вконец запутались. Единственный, кто оказался покрепче, это деревенский житель. Тут сама земля помогала, она внушала, что может быть общественным полем России, если засеять его сорняками. А городской житель... Справедливо, наверное, говорят, что народ живёт в селе, а в городе – население.

Э.Ф.: Валентин Григорьевич, каким Вы видите будущего лидера страны?

В.Р.: О появлении нового лидера говорят много. Есть мнение, что непременно он должен появиться из глубинки, и даже из крестьянской среды. Этакий былинный Никитушка Ломов. Но я так не думаю. Роль крестьянской среды заключается совсем не в этом. Она – в сохранении тех ценностей, которые были прежде. Имеется в виду почва – нравственная и духовная. И черпается она из самой земли, в ней сила-то. Но дело в том, что пока земля не в состоянии родить этой возбуждающей энергии или рождает её недостаточно – потому что она сейчас в системе государственных и народных ценностей на десятом месте. Будет на первом – будет и этот урожай.

И вообще новая сила, которая идёт на смену существующей, она родом с Востока. Америка долго не продержится. Я, конечно, не оракул и не могу с точностью предсказать, сколько ей осталось, но это исторически предreshено.

Американская нация ослабла, развращена богатством и вседозволенностью, её разнородный генетический фонд пришёл в противодействие и предвещает тяжкие гражданские события. Мир всюду не любит Америку, враждебные чувства к ней аккумулируются сейчас в активные действия, одни из которых можно назвать терроризмом, а другие сравнить с обычаями волчьей стаи, готовой растерзать вожака. Американцы, несмотря на всю свою активность, ослабили себя болезнью, которая называется демократией, и сожгли себя в том наднациональном плавильном котле, который сами же и придумали. Очень возможен распад этого государства.

Э.Ф.: Неблагодарное дело прогнозы, и всё-таки – Ваш взгляд на ближайшую перспективу?

В.Р.: Пессимистически-оптимистический (смеётся). Сейчас, конечно, больше пессимизма. И всё-таки, думаю, что ситуация должна выйти на другой оперативный простор. Для всего нужно время. И, может быть, оно где-то на подходе, а мы его просто не замечаем. Перемены-то ведь к лучшему есть. В таком они узле противоречий, эти перемены, что выпутать их трудно. Но они есть.

«Нет ничего в человеке, ни в чувствах его и мыслях, ни в самых потайных движениях души, ни во вздохе его и взгляде, ни в минуты отрады или тоски, которые бы наш язык не назвал, – говорил В.Г. Распутин в Уфе. – Нет решительно ничего ни в человеке, ни вовне его, перед чем бы он остановился в бессилии: нет, не могу. Он может все, длань его объемлет и малое, и большое, и для тех, кто принят им в его царство, он не инструмент, как легкомысленно полагают, а учитель и духовник, всемогущий владыка несметного богатства. Не знаю, есть ли в мире еще язык, подобный нашему; судя по почтению и удивлению, с какими относятся всюду к русской литературе, пожалуй, и нет».

К этим словам великого русского писателя присоединились бы Василий Белов, Анатолий Генатулин, Михаил Чванов, Константин Скворцов, а также Элеонора Файзуллина и миллионы читателей и почитателей русского языка и русской литературы в России и в мире.

Певец русской деревни

В начале пути

Валентин Распутин с женой и дочерью

*С коллегами Владимиром Крупиным
и Василием Беловым*

*На Байкале
с зарубежными писателями*

*С Виктором Савиных
и Элеонорой Файзуллиной*

Писатель и президент

Михаил Чванов

*Лауреат Всероссийской
литературной премии
им. С.Т. Аксакова (2007 г.)*

Без него ничего бы не было...

Михаил Андреевич Чванов родился 25 июля 1944 года в Салаватском районе Башкирии. Русский писатель, заслуженный работник культуры РБ, директор Мемориального дома-музея им. С.Т. Аксакова. Всероссийскую известность принесли ему книги о С.Т. Аксакове, а также подвижническая деятельность, связанная с изучением и популяризацией жизни и творчества большого русского писателя и общественного деятеля, уроженца Уфы, Сергея Тимофеевича Аксакова.

В 1967 году М.А. Чванов окончил филологический факультет Башкирского государственного университета. Прошел нелегкую школу жизни. Работал учителем в сельской школе, трудился разнорабочим на стройке. Филологические способности, любовь к литературе и сочинительству привели в журналистику. Ряд лет работал в книжном издательстве, в правлении Союза писателей РБ.

Михаил Андреевич – автор более 20 книг прозы и публицистики, вышедших в Уфе, Воронеже и Москве. Путешественник. Спелеолог. С 1992 года воз-

главляет Мемориальный дом-музей имени С.Т. Аксакова, в создании которого принимал самое активное участие.

Председатель совета Аксаковского фонда, вице-президент Международного фонда славянской письменности и культуры, секретарь Союза писателей Российской Федерации. Лауреат Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова, лауреат премии им. Константина Симонова Международной ассоциации писателей-баталистов и маринистов (за роман-поиск «Загадка штурмана Альбанова» и цикл повестей и рассказов о трагедии Югославии).

В 2000 году удостоен ордена Русской православной церкви Сергия Радонежского III степени – «во внимание к помощи в восстановлении Дмитрие-Солунского храма в селе Надеждине», родовом имении С.Т. Аксакова.

В 2006 году М.А. Чванов награжден Большой литературной премией I степени Союза писателей в номинации «Лучшее произведение 2005 г.» за книгу «Мы – русские? Всего мира Надежда и утешение».

Без знакомства с Михаилом Чвановым многие интересные страницы моей жизни не были бы написаны. Этому знакомству я во многом обязана целым пластом жизни, наполненным встречами с удивительными, великими и светлыми людьми, о которых рассказывается в этой книге.

А еще – без него в стране не было бы такого долговременного регионального движения, как аксаковское. Движения, которое давно приобрело статус истинно народного и государственного. Сегодня круги от него идут по всей нашей Матушке России: Аксаковский праздник отмечается ныне в Челябинской, Самарской и Оренбургской областях, Аксаковское движение охватило ближнее и дальнее зарубежье: Казахстан, Болгарию, Сербию и Черногорию.

В городе не было бы такого бренда – теперь уже вечного, единственного и неповторимого бренда имени русского писателя, родившегося в Уфе.

О лауреатах литературной премии им. С.Т. Аксакова – В. Белове, В. Распутине, А. Генатулине, К. Скворцове, М. Чванове – я с воодушевлением рассказывала студентам на филологическом факультете педуниверситета на лекциях и практических занятиях. Знаковыми, не побоюсь этого слова, судьбоносными, стали для меня встречи и с многими другими гостями, которые съезжались

в Уфу раз в год в двадцатых числах сентября, ко дню рождения С.Т. Аксакова: люди не случайные, люди, на которых поистине держится земля наша. Большинство из них – особенной породы и энергии.

Виктор Петрович Савиных, дважды Герой Советского Союза, летчик-космонавт. Да, мужественный, да, бесстрашный, таким и должен быть космонавт, и мы к этому уже успели привыкнуть. Когда берешь в руки его книгу «Записки с мертвой станции» (в один из приездов он привез ее прямо из типографии, и мы стали первыми читателями), понимаешь: он еще и пишет прекрасно. Интересно, чуть загадочно, на добротном русском языке с насыщенной лексикой – с вектором в науку. И это не просто воспоминания. А уж фильм о нем и Вл. Джанибекове «Салют-7» (реж. К. Шипенко, 2017 г.) стал настоящей сенсацией! А человеческое обаяние, которым он всех нас щедро одаривал! Мне, вузовскому преподавателю, было интересно послушать Виктора Петровича и в качестве ректора Московского университета инженеров геодезии и картографии. Вот уж где Божий промысел! Этот университет – правопреемник основанного в прошлом веке Межевого института, первым директором которого был С.Т. Аксаков! Почитая Сергея Тимофеевича как большого русского писателя, В.П. Савиных даже в космосе говорил: «Пролетая над Уралом, я всегда искал место, где родился Аксаков». А в своем сугубо техническом вузе Виктор Петрович ввел обязательное изучение русского языка и открыл гуманитарный факультет.

Вячеслав Клыков – человек-легенда... Валерий Тетерев...

Не забыть редчайшего тембра голоса Евгении Смольяниновой, ее ангельского: «В луу-нном сия-нии сне-е-г серебрится»... Я слышала ее лет десять назад у нас в Уфе, а Москва что-то не жалуется уникальный голос русской певицы.

В одном из материалов о М.А. Чванове я написала, что для меня важно, что мы смотрим с ним в одну сторону. Кто-то из его окружения добавил, что мы с Чвановым одной крови. И это верно, а как по-другому, если сверху наблюдает за нами Сергей Тимофеевич! По прошествии энного количества лет и этого показалось мало. А что еще? Когда я прочла его «Неудобные мысли», то поняла: мы читали одни книги – вот главное, вот то, что сегодня превыше всего.

...М.А. Чванова я знаю более полувека, аж со студенческой скамьи. Поэтому его человеческая и писательская судьба разворачивалась, как говорится, на моих глазах.

Это было в далеком 1965 году. Я училась на первом курсе филологического факультета БГУ, который занимал тогда 3–4 этажи главного корпуса университета, что на улице Фрунзе. Те десятилетия для филфака были временем расцвета, прежде всего, потому, что преподавали нам ученые с мировым именем. Иными словами, вуз соответствовал своему названию: являлся настоящим классическим университетом.

...Факультет был девчачий, и единственный парень в нашей группе, Марк Матрос, как-то прибежал возбужденный: «Представляете, Мишка Чванов наотрез отказывается сдавать педагогику, у него конфликт с преподавателем!». Дело в том, что ни одно поколение студентов БГУ не принимало, не воспринимало предмет «Педагогику» и тихо бунтовало против него. Возможно, преподавание было не на должном уровне, тем более, на фоне изучения таких ярких предметов, как литература, от фольклора до советской, языкознание и русский язык, от старославянского до современного русского. Но мы все возмущались не дальше деканата, а Чванов довел этот «бунт» до логического и принципиального завершения: он не просто отказался сдавать все предметы педагогической науки, но его даже не испугал прочерк в дипломе по этим предметам. Что означало закончить вуз без диплома! Бунтарь... Так он и идет по жизни, часто – против течения.

Пройдут годы, он станет известным писателем, откроет и возглавит Мемориальный дом-музей им. С.Т. Аксакова. Всероссийскую известность принесут его книги, Аксаковские праздники будут греметь на всю Россию. А я поселюсь рядом с Аксаковским музеем, в доме на улице Благоева: этот факт также многое объясняет.

В 1991 году открылся музей С.Т. Аксакова – писателя незнакомого, забытого, не изучаемого ни в школах (даже «Аленький цветочек» считался в Уфе народной сказкой), ни в университетах. Возьму на себя смелость сказать, что навряд ли это было случайностью, скорее всего, уже в студенческие годы у Чванова родился и созрел стратегический план новаторского исследования русского писателя с точки зрения краеведения (более чем за тридцать лет так и не удосужилась задать этот вопрос М.А.). Он привнес новый, не типичный для того времени, более современный и свежий взгляд на русскую литературу. Но, возможно, выбор Михаилом Андреевичем Аксакова как Дела жизни был и интуитивным. И вот почему. Во-первых, Сергей Тимофеевич Аксаков родился в Уфе, это наш прославленный земляк, один из немногих, кто отразил малую

родину, Уфу, в своих произведениях. Во-вторых, Аксаков и его сыновья стояли у истоков славянофильства, а значит, во главу угла мировоззрения, творчества, деятельности ставили любовь к Отечеству. Иными словами, М.А. Чванов поднял целину, близкую ему по духу, в Аксакове и его творчестве найдя единомышленника. Более того, он начал изучать и пропагандировать Аксакова во всех его ипостасях: жизнь, творчество, семья, традиции. Результатом этого подвижнического труда стали Мемориальный дом-музей писателя, Аксаковские праздники, которые за очень короткий период превратились в международные, Аксаковские научные конференции, премии им. С.Т. Аксакова.

А я тем временем уже преподавала на кафедре литературы пединститута, и мы с моей дипломницей выбрали в качестве темы дипломного сочинения автобиографическую трилогию С.Т. Аксакова. Дипломная работа получилась неожиданно и для меня, и для студентки-выпускницы интересной, свежей и, самое главное, – первой по творчеству С.Т. Аксакова в нашем вузе. Параллельно мы услышали о том, что уфимский горсовет учредил молодежную Премию по изучению жизни и творчества С.Т. Аксакова и куратором ее стал Аксаковский музей. Тогда наша работа не получила премии, более того, ее не допустили до участия в конкурсе, но разве дело в премии?

Повлияло ли творчество С.Т. Аксакова на Чванова? Думаю, что да. Корневая связь с природой, приоритет ценностей Отечества, семьи, русская идея, русский мир. Сегодня М.А. Чванова называют одним из последних русских крестьянских писателей, который замыкает это великое направление русской литературы.

К одному из юбилеев писателя мы, вместе с коллегами по БГПИ, сделали небольшой фильм и назвали его «Колокола Михаила Чванова». Это, конечно, метафора: на Руси, в России во все времена колокола, колокольный звон были символом веры, надежды, любви и свободы. На первый взгляд, эта громкая метафора не совсем подходит герою: и говорит-то он негромко, чуть слышно, и ходит-то он неспешно. Тем не менее, с одной стороны, колокола – это его книги, статьи... А с другой – настоящие, истинные колокола, отлитые с соратниками Аксаковского дела: для Дмитриевского храма в селе Надеждино Белебеевского района, бывшем имении С.Т. Аксакова, и для Никольского храма в селе Николо-Березовке Краснокамского района, где раз в год отмечается праздник Николы Вешнего.

...17 февраля 2013 года Михаил Чванов, достав свежий номер журнала-толстяка «Аргмак», предложил мне: «Прочтите». Как всегда, без лишних слов, без предисловия и комментария. Первый читатель – это ко многому обязывает. В сентябре этого же года, на Аксаковском празднике, Николай Алешков, главный редактор «Аргмака» из Татарии, замечательный редактор русского журнала, который курирует Минтимер Шаймиев, сказал: «Только что вышел «Аргмак» с новым произведением Миши. Советую настоятельно: прочтите, не пожалейте...». Это была последняя повесть Михаила Андреевича «Серебристые облака» (2014 г.) с двумя подзаголовками: «Реквием» и «Поминальная молитва». Я прочитала ее на одном дыхании, за одну ночь. А под утро мне приснился сон-метафора, о котором я тут же рассказала Чванову. Он был лаконичен: «Спасибо...».

«Серебристые облака» я считаю лучшим художественным произведением Михаила Андреевича. Эта книга – одна-единственная в своем роде. С одной стороны, она получилась очень личной: я не могу назвать автора, герой которого мог бы так мужественно каяться, по-русски, по-мужски, лермонтовским тончайшим «скальпелем» «копошиться» в закоулках своей души, доставляя себе при этом невероятные страдания. И потом: еще в студенческие годы, когда мы принимали мир таким, какой он есть, не утруждая себя вопросами, даже хрестоматийными: «Кто виноват?» и «Что делать?», Чванов уже ставил вопросы, прежде всего – перед собой. У меня на книжной полке лежит крохотная книжица, в несколько страничек, мизерный тираж, текст – «бисерными» буквами, как говорится, «из раннего», а на обложке уже вопрос: «Крест мой?...». И эпиграф: «Жду спасения от расширения идеи русской». Ф.М. Достоевский. И от издателя: «Дорогой Михаил Андреевич! У каждого человека – своя жизненная дорога. Свой жизненный крест. Твоя дорога, твой крест – расширение идеи русской. И дай-то Бог тебе здоровья и долготерпенья на этом пути. Твой Виктор Шмаков, редактор газеты «Вместе». 1996 год».

Автор, опережая читателя и не давая ему определить жанр самому, сразу обозначает его и как будто даже навязывает – единожды и бесповоротно: реквием. Сюжет необычен и вместе с тем прост: история о том, как на глазах мучительно и жестоко умирает самый близкий, самый родной человек. Необычный жанр произведения, талантливо найденный автором и определивший всё: итог жиз-

ни, творчества, поиски веры и поиски себя. Поиски Бога, веры и себя в ней, в вере. У Чванова все сурово и беспощадно, прежде всего – к себе. Поэтому мое название жанра – не «реквием», мне ближе – «покаяние», хотя такого жанра тоже нет. Я считаю, что гибель близкого человека – это лишь трагический повод, но суть «Серебристых облаков» – в многолетних, вынашиваемых десятилетиями, философских и этических, эстетических исканиях автора, которые проходят через все его творчество – от самых ранних до последних произведений. Накануне «перестройки», в конце восьмидесятых, вышел фильм Тенгиза Абуладзе «Покаяние», который наделал много шума и в стране – Советском Союзе, и за рубежом. Я и тогда, и, тем более, сейчас, воспринимаю его не как покаяние, а, скорее, как начало переписывания русской истории. Понятное дело, там было все закодировано, там и сям – символы и шифры: мы шарады любим... Каяться по-грузински – иначе, чем каяться по-русски.

С удовлетворением увидела, что в московском издании «Серебристых облаков» отсутствует подзаголовок «реквием», он остался только в журнальном варианте, и подзаголовок «поминальная молитва» автор также убрал.

Не скажу, что потеря самого близкого человека, – фон или сюжет. Но это точка, очень серьезная, судьбоносная, от которой автор то ли отталкивается, то ли подытоживает. Может быть, знак свыше, усложненно трансформированный в день текущий, сегодняшней и сиюминутный. Та карта, которая легла так и только так... И ничего уже с этим не поделать. Судьба... И, как всегда бывает в жизни, жизнь поделилась на «до» и «после»...

Мой учитель А. В. Бармин, вдалбливая мне (нам) азы такой интересной, а сегодня незаслуженно забытой науки – литературоведения, любил повторять: «Каждый большой художник – автор одной книги; независимо от степени таланта он всю жизнь идет к главной книге своей жизни». Есть о чем подумать над словами Анатолия Васильевича...

Не могу не сказать о художественных средствах, которыми искусно пользуется автор для достижения своих задач и сверхзадач. Оправданы, на мой взгляд, личностные вкрапления-воспоминания и о Распутине, и о Клыкове, жизнь и творчество которых могут быть приравнены к подвигу: мощное духовное и не только наследие Валентина Григорьевича, а у Вячеслава Михай-

ловича – памятники в России и Сербии, памятник Николаю Чудотворцу – в России и в Италии, памятник святой великомученице Елизавете Федоровне, памятник Пресвятой Богородице в Черногории, десятки других памятников и храмов. Их титанический подвижнический труд – во славу России...

О Чванове-публицисте писать и трудно, и легко. Легко, потому что близки наши взгляды, трудно, потому что гражданская позиция Чванова-публициста всегда была далекой от конъюнктуры и никогда не укладывалась в привычные рамки существующих общественных и литературных группировок. Известный наш современник Савва Ямщиков написал: «Для меня подлинным открытием, заставившим восхититься и преклонить колени перед истинным подвижником и здравым мыслителем, стало заочное знакомство с Михаилом Андреевичем Чвановым». Главный стержень публицистики писателя он видит в семье, возвращении ее святости на примере сохранения, осмысления и продвижения в жизнь духовного наследия великого русского рода Аксаковых.

Для меня публицистика Михаила Чванова – это и Дмитриевский храм, и Никольская церковь, и Аксаковский фонд, и музей С.Т. Аксакова, и фонд славянской письменности и культуры; это его блестящие выступления в Аксаковском народном доме в Уфе, наравне с выступлениями В.И. Белова, В.Н. Ганичева, В.М. Клыкова, В.Г. Распутина, В.П. Савиных, К.В. Скворцова и других, которые венчают ежегодные Аксаковские праздники. И поездки его в Сербию, Болгарию, Францию, Сирию, поскольку гражданин, публицист, художник, патриот слиты воедино в этом скромном, но мужественном созидателе русской культуры.

«Корни и крона» – так называется одна из программных публицистических книг М.А. Чванова, глубинное метафорическое название которой не нуждается в особой расшифровке. Это произведение написано в лучших традициях русской классической литературы: публицистика Чванова сюжетна (вспомним Пушкина, Некрасова, Горького, Шолохова). Возьму на себя смелость утверждать, что сюжетность – это и есть неотъемлемое качество отечественной публицистики. Тем самым Чванов набело освобождает свою работу от пафоса, патетики и риторики, которые ему чужды, выбирая раз и навсегда заданный для себя стиль проникновения, исповеди, стиль доверия автора – не просто к читателю, но к собеседнику.

Как всегда у Чванова-публициста, ПАМЯТЬ во всех ее ипостасях – главный стержень его произведений. О чем бы он ни писал, и чем бы он ни занимался, память пронизывает все, что он делает. Будь то возрождение аксаковского наследия в широком понимании этого слова, будь то подвижническая деятельность по сближению культур тюркских и славянских народов, православия и ислама или поиски культурных реликвий и пропавших экспедиций в самых дальних уголках мира. В подобном же ключе написаны эссе, вошедшие в цикл «Новеллы смутного времени». Эссе «Корни и крона» занимает особое место в этом цикле, став событием не только литературной, но и общественной жизни нашей страны. Автор пишет: «Не случайно народ отождествляют с деревом. У дерева не может быть противоречий между корнями и кроной. Дерево погибает, когда его отделяют от корней. У здорового народа, как и у здорового дерева, сыновья не отрицают, а продолжают нравственный подвиг отцов».

Написанное к 50-летию Великой Победы, эссе не утратило своей актуальности и по сей день. Причина этого феномена кроется в том, что Чванов – человек и публицист – находится в одной нравственно-этической плоскости. А это значит, что если Чванов – человек с непрогибающимся позвоночником, то и писатель Чванов далек от какой бы то ни было конъюнктуры, над ним никогда и ни при каких обстоятельствах не довлели никакие авторитеты. Даже А.И. Солженицын, претендующий в современной русской культуре на почетное звание «Духовный пастырь», не стал для Чванова ни своеобразным посохом в длинном коридоре Памяти, ни препятствием для вынесения нравственно-этического приговора генералу Власову. Он призывает всех нас – историков, журналистов, научных работников, всех, кто имеет хоть малейшее отношение к работе над нашей историей, быть честными, правдивыми и бережными с ее фактами, огульность приравнивая к клевете: «Предательство Власова ничем нельзя оправдать, но легенда о сдаче им в плен целой армии, до сих пор безнаказанно гуляющая по свету, что он задолго до событий в Мясном Бору вынашивал свой черный замысел, мягко говоря, клевета. А недавно даже были сделаны попытки найти корни предательства Власова в его родословной. И нашли ведь: все дело, оказывается, в том, что отец его был церковным старостой. Видите, как все просто!». Болит душа у автора за грехи русского генерала: «Получил он по заслу-

гам», – выносит тяжелый, прежде всего, для себя, приговор. Но главная боль для М. Чванова – оклеветанные десятки, сотни тысяч безвестных солдат Второй ударной армии, часть которых нашли успокоение в веренице братских могил у дороги рядом с дорожным указателем «Мясной Бор»: «Из года в год выносят их из болот, хоронят, ставят скромные памятники. Молодые добровольцы из самых разных городов. Не по указке, не по приказу, а наоборот, даже вопреки официальному недоброжелательству». Именно на эту горстку молодых людей, которых большинство почитает за сумасшедших, именно на них возлагает публицист надежду: «значит, еще не совсем умерла в нас совесть, значит, они еще чувствуют связь со своими корнями», – как бы прорывается сквозь драматические строки оптимизм автора. Мы видим, как четко и осознанно у Чванова все, что касается Веры, Отечества, его будущего.

Подходы к теме войны неодинаковы: это обзор эпохальных событий с «генеральского мостика», когда писателя интересует крупное сражение, которое оказалось поворотным в ходе Великой Отечественной, – бои под Москвой, битва на Курской дуге, Сталинградское сражение (романы К. Симонова, А. Чаковского, И. Стаднюка) или так называемая «лейтенантская проза» (повести и романы Ю. Бондарева, Г. Бакланова, К. Воробьева) и, наконец, взгляд на войну из солдатского окопа (проза А. Генатулина, В. Кондратьева, Е. Носова). Но никто никогда не писал о нашей Победе так, как это сделал Михаил Чванов в эссе «Корни и крона» с неслучайным подзаголовком «К 50-летию Победы неоконченной войны». По прочтении этого горького, но честного произведения невольно вспоминаются слова великого А.В. Суворова: «Война заканчивается тогда, когда хоронят последнего погибшего на ней солдата». Русский полководец был, как известно, глубоко верующим человеком – и потому знал, что грех непогребения убиенных на войне, тем более убиенных за други своя, рано или поздно аукнется.

Необходимо отметить, что о войне пишет не участник Великой Отечественной, а сын израненного войной солдата, дошедшего до родного дома с Победой. Поэтому на генетическом уровне сын солдата-победителя не приемлет всеобщую круговую поруку соотечественников, многие десятилетия после Победы скрывающих грех непогребения наших отцов и братьев, погибших за Родину.

Для М.А. Чванова память, совесть, истоки – это нравственные категории одного ряда, тесно между собой связанные. Беспамятство наше здесь – уже факт очевидный и даже как будто бесспорный. «И не просто забудется, а затопчется вражескими сапогами. И почти полвека будут лежать на ее развалинах непогребенными кости безвестных русских солдат. Боже мой, куда дальше-то?», – горестно восклицает автор. Не снимая и с себя вины за «Чернобыль нашей совести», Чванов не задает наш извечный безадресный вопрос: «Кто виноват?», он отвечает на него, отвечает жёстко и сурово: «...все было сделано так, чтобы мы ничего не знали о ней, словно этой народной трагедии никогда и не было. Мертвое молчание, словно круговая порука. Провели незримую линию, за которую ходить нельзя, за которой можно подорваться на минах, а больше всего, видимо, боялись, что там кто-нибудь может подорваться на своей вдруг пропнувшейся совести. Это тоже имеет самое прямое отношение к нашей памяти и к нашим истокам. Мясной Бор – это Чернобыль нашей совести». Трудно не согласиться с безрадостным, но справедливым предположением автора: «И приходит тяжелая мысль: не было бы беспамятства Мясного Бора, может быть, не было бы и Чернобыля». (Вдруг вспомнились в связи с трагедией Чернобыля повесть В.Г. Распутина «Пожар» и памятный эпиграф к ней: «Горит село, горит родное, горит вся Родина моя». Повесть вышла совсем незадолго до аварии, и метафора была прозрачней некуда: горела, полыхала-то не Сосновка – горела, полыхала наша страна. Нет, не задумались, не вняли).

В эссе «Корни и крона» М. Чванов не очерняет подвиг народа в Великой Отечественной войне, а делает попытку вырваться из тисков массовой культуры и познать цену великой Победы через историю и культуру народов Евразии, обладающую значительным числом самобытных элементов. А это невозможно сделать без самопознания. Самопознание не только способно указать человеку или народу его истинное место в мире, но и приучить к мысли о том, что ни он сам и никто другой не может быть центром вселенной. От постижения собственной природы человек или народ приходит к осознанию равноценности всех людей и народов и одновременно – к утверждению своей самобытности и пониманию уникальности собственной национальной культуры. Вместе с тем, в этом состоит и суть нравственности.

При истинном самопознании прежде всего с особой ясностью познается голос совести, и человек, живущий так, чтобы никогда не вступать в противоречие с самим собой и всегда быть перед собой искренним, непременно будет нравственен. В этом есть и высшая, достижимая для данного человека, духовная красота, ибо самообман и внутреннее противоречие, неизбежные при отсутствии истинного самопознания, всегда делают человека «духовно безобразным».

Память современного русского писателя-патриота Михаила Чванова уходит ко временам крещения Руси. В эссе «Корни и крона» он оценивает события Великой Отечественной войны не с позиций сегодняшнего дня, как многие авторы эпохи гласности и перестройки, а с высоты традиций России Вечной, как представитель тысячелетней русской культуры. Его голос кажется порою слишком тихим, но это твердый голос честного и мудрого человека, за которым стоит правда столетий – правда русской истории и русского Слова.

Интервью разных лет

Э.Ф.: Михаил Андреевич, почему Вы считаете своим долгом восстанавливать церкви в Надеждине, Николо-Березовке? Я задаю себе риторический вопрос: почему именно Чванов восстанавливает тот или иной храм; он родился не в Надеждине, не в Николо-Березовке...

М.Ч.: Я сам себе не мог толком этого объяснить, хотя могу твердо сказать: не ради славы, не ради самоутверждения. Если того и другого я в жизни все-таки искал, то в писательстве, которое считал для себя главным, а это у меня было, как я уже говорил, как бы по пути, как бы из досады, что этого не делают другие.

Э.Ф.: Все, что касалось С.Т. Аксакова, началось с Храма. И хронологически – аккуратно накануне 200-летия со дня рождения С.Т. Аксакова. И опять не случайно, а накануне надвигающегося на Россию Нового Смутного времени.

М.Ч.: Конечно, все это не могло быть случайным, поскольку несколькими годами раньше это было бы просто невозможно, а сейчас – самое время. Мы все вместе начали делать накануне Нового Смутного времени храм, ко-

торый должен был всех объединить во время надвигающегося всеобщего разъединения.

Э.Ф.: Мы забываем, что Россия – литературоцентричная страна, и все высокое (и низкое) рождалось в недрах литературы. Например, А.А. Проханов называет ее «русской странностью», считая, что все наши идеологии создавались в недрах русской литературы, а писатели – творцы своих произведений – чаще всего, не ведая того, становились авторами этих идеологий. Как вы думаете, может быть, именно этим объясняется живучесть Аксаковских праздников? Ведь их основателем является писатель, литератор?

Свою последнюю книгу Вы назвали «Неудобные мысли». Честно говоря, мне они показались не только очень «удобными», но и наболевшими. Более того, я подписываюсь под каждой страницей Вашей книги, но, как коренная уфимка, хочу озвучить вопрос о брендах Уфы. Я уже где-то писала о секрете живучести Аксаковского движения. А ведь у нас есть и другие великие земляки: Нестеров, Альбанов...

М.Ч.: Да, с Уфой связано немало славных имен. Упорно ищут бренд, благодаря которому туристы со всего мира повалили бы в город, заваливая его долларами и евро. Все упорнее рядом с именами Аксакова и Нестерова, а в последнее время – все чаще впереди них, ставят имя Рудольфа Нуреева. Ладно, назвали его именем еще в советское время, когда упорно скрывалась его воинствующая половая ориентация, лицей-интернат балетного искусства (интересно, повествуя юным талантам о кумире, на которого они должны стараться быть похожими, рассказывают ли им, живущим в отрыве от родителей, в условиях общежития, о его не танцевальных подвигах?). Хорошо, в Уфе проводят международный конкурс им. Р. Нуреева, при нищенском бюджете на культуру выделяются государственные гранты на производство кинофильмов о нем, которые снимают когда-то уважаемые мной молодые кинорежиссеры; в них снимаются когда-то любимые мной народные артистки. Официальные делегации Министерства культуры, посещающие Францию, непременно посещают могилу «великого земляка». Я не помню случая, чтобы какая-то культурная делегация из Уфы посетила могилы Аксакова или Нестерова в Москве. Недавно пристроился к беспроектной теме один, теперь уж не совсем юный и небо-

сталанный писарчук, быстро сообразивший в писательско-издательское безвременье, где можно поймать гешефт, засел за сценарий о «всемирно известном танцовщике», и опусы сего писарчука уже издают в Париже. Все это, вроде бы, ладно, но вот недавно некие «представители творческой интеллигенции, деятели культуры и искусства», почему-то умолчав о своих фамилиях, выступили с предложением, которое было опубликовано не где-нибудь, а на официальном сайте Администрации города Уфы: переименовать старинную Пушкинскую аллею в «Сквер имени всемирно известного танцовщика Рудольфа Нуреева. Тем более, что его барельеф на фасаде Театра оперы и балета находится как раз на стороне аллеи».

В Уфе находится Центральное духовное управление мусульман России, Уфа связана с именем выдающегося татарского мыслителя, просветителя и востоковеда Ризаэтдина-хазрата Фахретдинова, у мусульман, как и у христиан, крайне отрицательное отношение к гомосексуализму как к скотоложеству, но мусульмане-священники не решаются даже робко выразить свое отношение к этой набирающей обороты вакханалии, посягнуть на святое, видимо, боясь, что их могут обвинить в более страшном, чем религиозный экстремизм, преступлении.

Да, дело каждого: с кем и со сколькими спать, но только до той черты, пока не начинается гнусная и вызывающая пропаганда этого, независимо от того, извращение это или болезнь, явления, ярим проповедником которого был Рудольф Нуреев, завещавший свои миллионы половым соратникам, но не приславший ни копейки живущей в Уфе в нищете матери. После этой черты сие превращается в тяжелое уголовное преступление, как, по-моему, к нравственному преступлению относится прямая или косвенная пропаганда гей-героев.

Одним из святых для меня мест на земле было русское православное кладбище Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем. Место упокоения российских изгнанников, бежавших от захватившей Россию в 1917 году духовной мрази. И вот почти через век это святое место осквернили вызывающе каббалистической могилой Рудольфа Нуреева. Даже духовно толерантные ко всяким «...измам» французы отказались его хоронить на своих кладбищах.

Э.Ф.: По сей день нет четкой даты окончания гражданской войны. Плюс события на Украине... Да и наше телевидение, когда проходят политические дебаты, позволяет себе сказать о том, что гражданская война не закончена, не закончилось противостояние белых и красных. Помнится, задолго до установившейся у нас моды на Колчака вас уже интересовала неоднозначная фигура адмирала, писателя, ученого.

М.Ч.: Я был на русском Ольшанском кладбище в Праге, где убедился в том, что мы, русские, не находим примирения даже мертвые. Слева и справа от белокаменного православного храма лежат воины и мыслители Белой России, в том числе великий евразиец П.Н. Савицкий. В другом конце кладбища – воины Красной Армии, бравшие Прагу 9 мая 1945 года. Между ними, на небольшой полянке, над заросшим рвом – обвитый колючей проволокой огромный черный крест.

Впервые оказавшись в Иркутске по приглашению В.Г. Распутина, рано утром, когда город еще спал, по какому-то наитию, я точно вышел на берег Ангары, на место расстрела адмирала А.В. Колчака. Большой деревянный крест. На фотографии на кресте – пулевые пробоины. Даже мертвый, А.В. Колчак кому-то не давал покоя. Я не могу ответить утвердительно и уверенно на вопрос: закончилась ли Гражданская война...

Э.Ф.: В далекие 60-е годы Вы, молодой, начинающий журналист газеты «Ленинец», спасли от уничтожения Дмитриевский храм в селе Надеждино, связанный с семьей Аксаковых. Потом, вокруг возрожденного храма, возник историко-культурный комплекс. Позднее поэт Константин Скворцов написал стихотворение «В Надеждино звонят колокола...», посвященное Вам, которое вскоре стало песней и своеобразным гимном аксаковских праздников. Какие чувства и мысли вызывает у Вас сегодня перезвон надеждинских колоколов?

М.Ч.: Надежду.

*М.А. Чванов с Э.В. Кульмухаметовым.
Восхождение на Ирмель*

*М.А. Чванов
с В.Г. Распутиным*

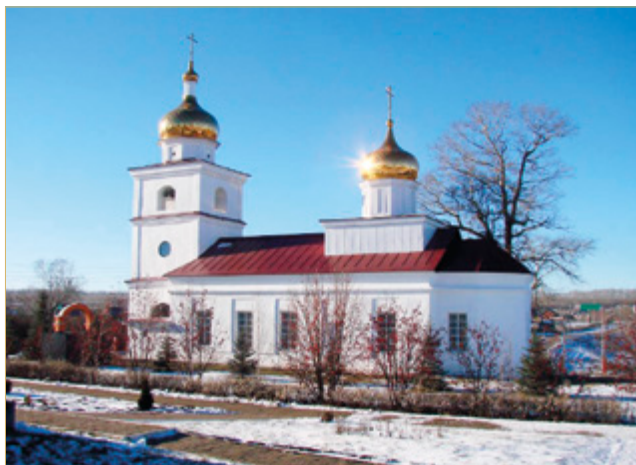
*С Патриархом Кириллом на церемонии
вручения Патриаршей литературной премии*

Беседа с И.И. Ялавым

В Доме-музее С.Т. Аксакова

*Храм во имя Димитрия Солунского,
покровителя русского воинства,
в Аксаковском историко-культурном
центре «Надеждино»*

Говоря о сокровенном...

*Выдающийся сербский режиссер
и драматург Йован Маркович привез
в Димитриевский храм
икону «Белый ангел»*

*С Александром Прохановым в гостях
у Верховного муфтия, председателя
ЦДУМ России Шейха уль-Ислам
Талгата-Сафы Таджуддина*

С дорогим другом, выдающимся болгарским певцом Бисером Кировым

В Сирии, в Дамаске, во главе делегации Союза писателей России

С Александром Михайловым и Виктором Курьяновым

Непростая история про обычную ручку...

Анатолий Генатулин

*Лауреат Всероссийской
литературной премии
им. С.Т. Аксакова (2008 г.)*

«Старатель»

«В их краю золотоискателей называют «старателями». И даже башкиры пользуются этим русским словом – настолько точно определяет оно суть этого труда. Этим словом хотелось бы определить и талант Анатолия Генатулина. Не искательство, не надежда на легкую удачу лежат в основе его творчества. Он шел, докапывался, догрызался до своей золотоносной жилы. И если даже сейчас пишется ему вроде бы легко и на зависть ритмично, в основе его вдохновения – выстаранное, выстраданное».

Ильгиз Каримов

Анатолий Генатулин (Талха Юмабаевич Гиниятуллин) родился 20 апреля 1925 года в деревне Уразово Тамьян-Катайского кантона БАССР (Учалинский район Башкирии). В пять лет Талха осиротел – сначала умер отец, а через два года и мать.

В 15 лет начались его «университеты»: окончив семилетку, Талха уезжает из села. Получив паспорт, он поступает в Белорецке в школу ФЗО.

Начинается Великая Отечественная война, и семнадцатилетнего подростка призывают в армию, три месяца обучают в снайперской школе. Потом вместе с другими призывниками он едет под Ленинград на Карельский перешеек и попадает прямо в пекло сражения. Молодой солдат Талха Гиниятуллин участвует в боях под Ленинградом. Все тяготы, опасности войны испытывает на себе юный боец. В боях был несколько раз ранен. Войну закончил в 1945 году в Германии, на берегах Эльбы, в составе гвардейской артиллерийской дивизии. Награжден орденами Отечественной войны I степени, Славы III степени и боевыми медалями.

После войны Анатолий Генатулин сменил много профессий. С 1955 года живет в Москве. Окончил Литературный институт им. М. Горького.

Первая книга нашего земляка «Рябиновая гора» шла к читателю долго и была издана лишь в 1969 году. Однако самые выстраданные его произведения о Великой Отечественной войне долго не могли найти дороги к читателям и лишь в восьмидесятые годы на волне популярности «военной прозы» начали, наконец, публиковаться в центральных издательствах: повесть «Атака» (1982 г.), которая кочевала по редакциям московских журналов целых 15 лет, «Золотая моя колыбель» (1984 г.), «Вот кончится война» (1985 г.), «Страх», «Сто шагов на войне» (1989 г.). В основе повестей «Туннель» (1985 г.) и «Загон» (1990 г.) – сложная жизнь воевавших и победивших, но уже в мирное время.

В Башкирии искренне уважают и чтут Анатолия Генатулина, его честную и мужественную прозу. В 2000 году в журналах «Бельские просторы» и «Агидель» на русском и башкирском языках была опубликована его автобиографическая повесть «Вброд» («Переправа»). Башкирское издательство «Китап» выпустило его книги «У родного порога» и «Что там за холмом» в переводе на башкирский язык Амира Аминева. В 2005 году к 80-летию писателя вышла книга его избранной прозы на русском языке «Загон», в 2008 году – «Красная поляна», а в 2010 году – «Одинокий дом в тумане».

Большинство произведений Анатолия Генатулина автобиографичны, и, вслед за А.П. Чеховым, он мог бы сказать: «Моя биография – мои произведения».

Многие произведения Генатулина были изданы в Германии, Польше, Чехословакии, Индии, Китае, США.

За большие заслуги в области литературы Анатолию Генатулину присвоены почетное звание «Заслуженный работник культуры Республики Башкортостан», он удостоен Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова (2008 г.).

Анатолий Генатулин

В Уразово цветет чабрец...

«В июльскую жару в открытой степи все запахи разнотравья затмевает аромат чабреца. Именно аромат – другого слова не подберешь, и от него пчелиным звоном полна голова и душа распахнута навстречу всему прекрасному в мире».

Рим Ахмедов «Растения – твои друзья и недруги»

Я никогда не думала о том, что случайная сиюминутная информация по телевидению подарит мне часы, недели, а теперь и годы дружбы с одним из ярких людей, когда-либо встречавшихся в моей жизни.

Эта история началась в «нулевые». Тогда я впервые услышала имя: Анатолий Генатулин.

...По Центральному телевидению шел репортаж с одного из вернисажей Москвы. Один из многочисленных его посетителей высказал свое мнение, представившись: Анатолий Генатулин, писатель.

Шло время, но вопросы, которые я задала себе, продолжали оставаться без ответа: «Кто он? Откуда? Как попал в Москву – писатель с русским именем и тюркской фамилией?». Позже выяснилось, что в 2000-м году в журнале «Бельские просторы» была опубликована повесть «Вброд» писателя-фронтовика Анатолия Генатулина. Самое поразительное, что он оказался нашим земляком: так, прыгаем за синицей в небе, а не видим, что в руках журавль! Повесть поразила меня и новым подходом к событиям Великой Отечественной войны,

и сюжетом, и самобытными героями. Уже по одной этой повести я поняла главное: будучи русскоязычным писателем, Анатолий Генатулин смог мастерски, проникновенно, талантливо передать менталитет своего народа.

...В Союзе писателей республики я познакомилась с писателем, редактором журнала «Агидель», переводчиком и другом Анатолия Генатулина Амиром Аминовым. Амир Мухаметович рассказал, что вот уже несколько лет писатель проводит лето на родине, в селе Уразово Учалинского района нашей республики, набирается вдохновения и черпает силы на своей малой родине. Впереди предстояло знакомство с родиной писателя, селом Уразово Учалинского района Башкирии.

Родное село Генатулина находится в семи часах езды от Уфы, да и дорога непростая, уральское предгорье – сплошной серпантин. Мы проезжали живописнейшие места седого Урала, петляющая дорога не давала уснуть, а в голове пульсировала назойливая мысль: «Как нас примут? Не разочарует ли сравнение живого человека с его произведениями?».

На поверку оказалось, что село Уразово – отнюдь не маленькая, заброшенная в горное ущелье деревушка. Сегодня Уразово – вытянутое на несколько километров вдоль дороги на Учалы большое башкирское село более чем в 500 дворов...

Наши опасения оказались напрасными: Талха-агай и его жена Асьма-апа ждали нас и встретили радушно. Уже в первой поездке я не раз убеждалась в том, что всё, с чем мы здесь соприкасались, было наполнено особым смыслом и знаками. Дом, в который каждый год по весне возвращается из Москвы писатель, самый обычный, скромный даже по уразовским меркам: небольшой, с традиционными голубыми наличниками, крохотным палисадником, без привычных в этих местах коров и домашней птицы. Тем не менее, мне показалось: несмотря на то, что Анатолий Генатулин посвятил жизнь писательскому, а не крестьянскому делу, его уразовский дом, палисадник, огород, баня и сарай содержатся в безупречном состоянии. Осмелюсь предположить, что это своего рода дань родным корням, неукоснительное соблюдение и верность деревенской этике. Поэтому здесь правит бал красота: и кусты сирени в маленьком палисаднике, и чистая зеленая лужайка возле дома, и летняя беседка во дворе созданы не ради формы и моды, а для душевного вдохновения и того редкостного общения, которым щедро делились с нами хозяева, – Талха Юмбаевич и Асьма Харисовна.

Вместе с тем, дом этот – необычный, он выстроен на том самом месте, где десятки лет тому назад в потомственной семье старателей родился маленький Талха. В этом доме он до обидного рано осиротел, потеряв почти сразу и отца, и мать. Отсюда, добавив себе лишний год, ушел на фронт.

Сюда же, в серый покосившийся домишко, по ошибке пришла похоронка на рядового Гиниятуллина, павшего смертью храбрых под 5-м фортом Кеннигсберга. В этот же дом он вернулся, спустя десятилетия, уже известным московским писателем, книги которого читают не только в России, но и за рубежом. Что же позвало его сюда – в далекое зауральское село, где у него практически не осталось никого? Может быть, гора Мышагыр, к которой стремятся все уехавшие отсюда односельчане? Талха-агай водил нас на эту священную для местных жителей гору, нависающую над селом как гигантский нерукотворный, сотворенный природой, дом, в котором есть всё: кусты желаний с разноцветными ленточками-чаяниями, заросли дикой малины, вишни, смородины, шиповника, многочисленные пещеры, разноцветье трав... Именно здесь, на Мышагыре, мы почувствовали эту исчезающую из сегодняшней городской да и сельской жизни гармонию первобытного человека с природой, ставшей для Генатулина тем «кислородом», без которого он задыхается в Москве.

Особый разговор – о генатулинской бане. Снаружи она ничем не примечательна и ничем не отличается от обычной, баня как баня. Но внутри... Всё в ней говорило о том, что ее хозяин – большой знаток этой культуры, для него баня – не просто ритуал и даже не просто традиция, а символ мирной деревенской жизни. Подтверждение мы нашли в его повести «Вот кончится война». Мытье в нехитрой солдатской бане на дорогах войны под талантливym пером писателя превращается в гимн жизни, отодвигающий, пусть на мгновение, царящую вокруг смерть: «В каком-то небольшом кирпичном сарае или, вернее, складе сложили очаг, поверху, как в банях по-чёрному, нагромодили камней, сколотили из досок полок (солдат – мастер на все руки), раскалили камни докрасна, нагрели в железных бочках воду – и мыться... Поддали пару, мы, молодежь, любители попариться, забрались на полок, в самую жарынь; кто лупцевал себя сосновым веником, кто шлепал мокрой тряпкой, орали, гоготали, восторженно матерились и, как бы сделавшись едиными, равными в природной нагоде, видели друг друга по-другому, по-братски, любовно и радостно».

Так кто же этот писатель? Трудно заподозрить в нем певца коммунистической системы, еще труднее поставить его в один ряд с сегодняшними либералами, отработывающими зарубежные гранты или упорствующими в своей гордыне. Этот «одинокий башкирский волк», как любит называть себя Анатолий Генатулин, как нам кажется, продолжает глубинную евразийскую культурную традицию, берущую свое начало в глубокой древности, начиная с эпоса «Урал-батыр» и русских былин и заканчивая классической прозой Льва Толстого и Антона Чехова, Андрея Платонова и Валентина Распутина, Мустая Карима и Чингиза Айтматова.

Когда мы в тенистой беседке после бани неторопливо пили чай с чабрецом, смородиновыми листьями и душистыми, необыкновенно пышными, «фирменными» беляшами Асьмы Харисовны, гостеприимный хозяин рассказывал о своих великих учителях – Толстом и Чехове. После душного, шумного мегаполиса мы наперебой восторгались прелестями деревенской жизни, но наш собеседник остудил наш пыл трезвыми и даже горькими рассуждениями о непростых буднях современного деревенского быта:

– Мне порою кажется, что мое присутствие в деревне кое-кого раздражает. Да писателя и не должны любить. Лучше уж пусть кричат: «Эй, писатель, ты думаешь, этот асфальт мы для тебя проложили?», «Эй, писатель, мы тебя кормим, ты наш хлеб ешь»... Это «Эй, писатель» я воспринимаю как уличное прозвище.

Так я живу в своем народе, – с горькой усмешкой заключил наш собеседник.

– Но, каков бы ни был этот народ, любит ли он меня или равнодушен ко мне, – это мой народ, другого у меня нет...».

...Завершив съемки фильма, мы попрощались с гостеприимными хозяевами и уже по дороге в Уфу вспомнили куст татарника из повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат». В наших воспоминаниях об уразовских встречах невольно возникали параллели между толстовским образом и судьбой писателя-земляка. Посреди Уразово на невысоком холме, названном местными жителями Горой сплетен, у подножия которого примостилась уютная деревенская мечеть, нам бросились в глаза лиловые пятна цветущего чабреца, который не могли вытоптать ни люди, ни животные. Эта нестигаемая трава напомнила нам неистребимость природного начала в народной жизни, тонко подмеченную Львом Толстым в его кавказской повести. Подобно цветущему чабрецу, выросшему в уральских горах, сирота из башкирской

деревни Талха Гиниятуллин был заброшен ураганом войны в каменные городские джунгли. Но даже в этих условиях национальные природные семена оказались настолько сильны, что не подверглись мутации, а проросли сквозь асфальт не каким-то гибридом, а все той же лечебной травой, врачующей людские раны.

Здесь уместно будет попытаться раскрыть феномен Анатолия Генатулина, писателя, гражданина, воина, человека, так как одно без другого не живет, не существует; как говорится, один замес. Не будет преувеличением сказать, что судьба и творчество Анатолия Генатулина уникальны не только в нашей отечественной культуре и литературе, но и в мировой: мальчик-сирота из глухой башкирской деревни лишь в 15 лет познакомился с русским языком, который стал в дальнейшем единственным языком его творчества. При этом он сохранил преданность и своему родному, башкирскому, языку. Во время нашей поездки в Уразово мы стали свидетелями диалога писателя с городским мальчишкой, приехавшим в деревню на бабушкино молоко. Мальчик сделал вид, что не понимает вопроса Генатулина, заданного на башкирском языке. Писатель выразил опасение, что современная молодежь может полностью утратить связь со своими корнями, культурой, языком. При наших не столь частых, к сожалению, встречах он не раз говорил о важности знания родного корневого языка, с одной стороны, с другой – «...я чувствую себя посланцем башкирской культуры на русской земле», – сказал писатель.

Мы слушали Талху Юмабаевича, ловя каждое слово, каждую запятую. Да и как не слушать «генерала солдатской прозы», который встретил свою Победу – нашу Великую Победу – далеко от Родины, в самом центре страны-агрессора? Много говорили и мы, много спорили, споры эти были не праздные, принципиальные, о разном. Далеко не все наши взгляды совпадали, спорили мы с писателем очень осторожно: о том, что болит у него и у нас, – о Великой Отечественной и Великой Победе, о военной прозе и выдающемся поколении писателей-фронтовиков, великих последних из Могикан – Ю. Бондареве, В. Астафьеве, Б. Васильеве, более всего – о В. Кондратьеве. Это понятно, их связывала не только солдатская дружба, они оба принадлежали к поколению прозаиков, пишущих о Великой Отечественной войне не с генеральского мостика, видящих великие эпохальные события не глазами девятнадцатилетних лейтенантов, как, например, Ю. Бондарев и В. Быков, а глазами рядового, из солдатского окопа и блиндажа.

Анатолий Генатулин мудр и не обидчив, хотя и память имеет уникальную. Вызывает уважение его честное и мужественное отношение к вчерашним своим взглядам. Но когда касалось искажений и исторически беспринципного отношения к Великой Отечественной, он был тверд и даже беспощаден. Так, он был непреклонен и не желал принимать один из парадов в честь 9 Мая. «Нет, это был не наш праздник, не ветеранов. Мне непонятно, почему в день нашей Великой Победы по брусчатке Красной площади семенили американские и английские солдаты, натовские. Почему там не было наших, советских, окопных солдат, ведь еще кое-кто жив. И я еще жив... Я написал двадцать книг о Великой Отечественной войне; как обо мне писали, в том числе и Вы, «показал войну из солдатского окопа, глазами рядового солдата». Так почему он, окопный солдат, не шел по Красной площади? Если бы победил Гитлер, он бы прошагал не перед Рейхстагом, а по Красной площади. Мы их пожалели – он бы нас не пожалел. А Европа ведь сама просила нас спасти ее от фашизма, и мы спасли народы Европы». Сегодняшняя Европа подтверждает его слова.

Не забыть нашу встречу в Белом зале Центра культуры БГПУ им. М. Акмуллы со студентами. Надо отдать должное, при всей неначитанности современной молодежи, даже студенческой, участники знали военную прозу Анатолия Генатулина. И надо было видеть, как интересно было всем, – и читателям, и автору. Не обладая ораторским мастерством, писатель сумел завладеть чувствами и душами собравшихся. И сам он был настолько искренен, что легко и честно говорил о своих творческих и человеческих проблемах: о том, что на празднике литературы нет русского реализма; что произведения таких же писателей-фронтовиков, как он сам, называют «неформатом»... Не обошел писатель на встрече с молодежью и вечный, волнующий на протяжении всей жизни вопрос – о его культурной и национальной самоидентификации...

Так получилось, что наше общение, начавшееся однажды, затянулось на годы. Сегодня, через семнадцать лет после очного знакомства, когда улеглись первые открытия и восторги, я смотрю на творчество старого доброго друга несколько по-иному и уверенно направляю вектор его творчества в контекст всей русской литературы XX–XXI веков. В своей рецензии на «Детские годы Багрова-внука» А. Платонов заметил: «Сиротства человек не терпит, и оно –

величайшее горе». Трагический XX век оставил целый ряд будущих советских писателей без отцов, сгинувших в войнах и репрессиях. В доперестроечные десятилетия они составили цвет отечественной литературы, преодолев свое фактическое сиротство духовным единением на страницах своих произведений. При этом одни из них, такие как В. Астафьев, В. Распутин, В. Шукшин, вошли в когорту писателей-деревенщиков, а другие, в лице В. Аксенова, Б. Окуджавы, Ю. Трифонова, стали лидерами молодежной и городской прозы. На этом фоне писатель-фронтовик Анатолий Генатулин, будучи круглым сиротой, оторванным от родной башкирской культуры, нашел свою духовную семью в русской классической литературе. С некоторой долей преувеличения можно сказать, что Толстой и Чехов заменили ему умерших родителей, поскольку первый из них был для начинающего писателя эталоном художественного постижения проблем войны и мира, а второй оказался близок своим честным и трезвым изображением разнообразных характеров простых людей. Но Аксаков со своей патриархальной семейностью долгие годы был ему чужд. Для бедного выходца из башкирской деревни помещик Аксаков оставался русским баринном, приехавшим на предуральские земли. Гармоничный аксаковский мир мало сочетался с далеко не пасторальной прозой Генатулина. Достаточно вспомнить его автобиографический роман «Загон» о послевоенных мытарствах бывшего фронтовика-победителя, или повесть «Непогодь» о преступном равнодушии к своим близким жителей башкирской глубинки, или рассказ «Холод» о голодной и холодной жизни и смерти маленького фэзэошника в годы войны. Но при всем своем пессимистическом мировоззрении писатель умудрялся сохранять в произведениях светлую поэтику. Этот парадокс, как мне кажется, объясняется тем, что Генатулин, перейдя на русский язык и став русским писателем, сохранил в себе на глубинном, подсознательном уровне прочные связи с родной природой и культурой своего народа. И в этом он оказался прямым наследником не только чеховских и толстовских традиций, но и творческого наследия семьи Аксаковых. Поэтому не случайно в 2008 году ему была присуждена Всероссийская литературная премия имени С.Т. Аксакова. Лишенный реальных родителей, погибших не по чьей-то злой воле и не героически на войне, а от издержек цивилизации, принесшей в башкирскую глубинку неизвестные ранее пе-

регрузки, болезни и голод, от которых у местного населения не было надежных способов защиты, Анатолий Генатулин обрел новую духовную семью на одной из самых страшных и трагических в истории нашей страны войн – фронтовую. Именно она стала для него не только надежной опорой в его житейских скитаниях, но и тем источником оптимизма и жизненной стойкости, которые сначала помогли выжить на суровых фронтовых дорогах, а потом преодолеть многочисленные тяготы и лишения на пути к заветной цели: стать полноценным сыном русской классической литературы. Все своей биографией и писательской судьбой Генатулин подтвердил мысль Платонова о том, что «семья служит не самоцелью, но питает, как источник, и другие, более широкие и высшие сферы жизни человека... Чувство родины и патриотизм».

Свою семейную хронику Генатулин написал в 75 лет – автобиографическую повесть «Что там за холмом?». Сам он определил жанр этого произведения как исповедь неудачника. Жанр исповеди, имеющий глубокие корни в мировой литературе, – от Блаженного Августина через Ж.-Ж. Руссо до Л.Н. Толстого – подразумевает предельную откровенность не только в изложении фактов своей биографии, но и тех, скрытых от посторонних глаз побудительных мотивов, которые нередко определяют человеческую судьбу. Метафора заглавия повести «Что там за холмом?» перекликается с главной темой книги С.Т. Аксакова «Детские годы Багрова-внука». Это мотив дороги из родного дома в большой мир, полный красоты и тревог. Дорога у обоих писателей служит не только рождению и взрослению человеческой души, но и каким-то удивительным образом соотносится со смыслом жизни, связанным с возвращением к своим истокам, к своим корням. В результате этого духовного пути маленький Сережа Багров из болезненного ребенка превращается в чистого отрока с христианской душой. В случае Генатулина дорога жизни выглядит сложнее. Как и великий предшественник, он в своей исповеди не скрывает своих грехов, но, вопреки канонам жанра, в них не кается. Как пишет А. Горячева, его покаяние, покаяние безбожника, – преодоление. Преодоление сначала замкнутости деревенского детства, открытие пространства, преодоление неприкаянности и расхлябанности беспризорного отрочества, освоение правил взрослой ответственной жизни, труд, война, учение – наконец, выбор профессии и реализа-

ция призвания. Называя себя неудачником, писатель вкладывает в это понятие огромный объем горя, зла и несчастий, имеющий ту меру, за которой не бывает счастливого конца.

Не случайно в поздних произведениях писателя замелькали самоуничижительные жанровые определения: «Исповедь неудачника», «Записки маразматика». В них, помимо самоиронии, явно чувствуется горечь от столкновений с новыми хозяевами литературной жизни в стране. Сам он при встречах с нами называл себя одиноким башкирским волком в современной русской литературе. И в этом была своя горькая правда, поскольку ни с постмодернизмом, ни с новым реализмом он не имеет ничего общего. К собственному 90-летию писатель-фронтовик остался в своем литературном окопе практически один, сохраняя верность полузабытой русской классике и тем непреходящим традициям своего народа, которые заставляют его каждый год возвращаться в родное Уразово.

Интервью длиною в семнадцать лет

За первым интервью мы приехали в Уразово 17 лет назад. Потом сняли первый фильм о жизни и творчестве большого русского писателя и нашего земляка, куда вошел и открытый урок по его творчеству в одной из уфимских школ.

Беседа, начавшаяся однажды, к счастью, затянулась на годы. Темы и проблемы были самые разные: о литературе, русской и башкирской, о войне и Победе, о деревнях, русских и башкирских, об Уфе и Москве. И, конечно, о времени, ибо последние десятилетия нашей истории буквально переполнены трагическими событиями и катаклизмами. Из многочисленных бесед я выбрала, как мне кажется, наиболее интересные, минимально дублирующие друг друга. Хронологические рамки нашего интервью – 2001–2017-е годы, географические – Москва – Уфа – Уразово – Учалы, куда я включила теплое общение – и в удивительно уютной уразовской беседке за чашкой чая с чабрецом, и в учалинской квартире писателя, обычной хрущевке, и за круглым столом, в Белой гостиной Центра культуры БГПУ им. М. Акмуллы, на следующий день после

вручения писателю Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова. И, конечно, телефонные разговоры, которые не хочется никак прерывать и которые стали своеобразным творческим итогом многолетнего общения с нашим замечательным земляком.

Уфа – Уразово (по телефону), май 2002 г.

Э.Ф.: Как доехали, Талха-агай? Как Асьма Харисовна? Какие впечатления у Маши? Кланяйтесь им. Спрашиваю не столько об Уфе, а о деревенской жизни, о сегодняшнем Уразово. Помните, у И.С. Тургенева есть произведение «Месяц в деревне»? Можно очерк о Вас назвать «Писатель в деревне» или «Уразовский отшельник», какое название Вам больше нравится?

А.Г.: Я не отшельник. Да и литератором себя называть стесняюсь, чувствую на себе ироничный прищур Чехова из-под пенсне, если Вы помните, чеховский портрет висит над рабочим столом в Уразово. А за спиной меня «контролирует» денно и ночью Лев Толстой. Скорее я литератор.

Вы же знаете, вот уже более пятнадцати лет, как я живу в деревне. В своем Уразово. Живу летом, вернее, от ранней весны до поздней осени. В своей избушке. С двориком, сараем, огородом, баней и сиренью в палисаднике. Кое-что пишу...

То, что я литератор, не имеет отношения к моей жизни в деревне, хотя традиционно российский литератор должен жить в деревне. Ведь русская литература изначально деревенская, усадебная: Пушкин, Лермонтов, Аксаков, Толстой, Бунин и другие. В огромной крестьянской стране не могло быть иной литературы. Ну, и слава Богу! Из великих, пожалуй, один Достоевский урбанист. Его герои оттого, может быть, полубезумны, что, уйдя из усадеб с дубравами и бескрайними полями, оказались в людской свалке на сырых невских берегах.

Э.Ф.: Деревенская проза... О ней, о великой, разговор, может быть, впереди... Хочу вернуться к так называемой «военной», где Ваша проза – в одной обложке с творчеством Быкова, Бакланова, Астафьева, Кондратьева. Мне кажется, русская проза середины XX века – это два мощных судьбоносных направления – деревенская проза и проза о войне, в которой «работали» и творили лучшие наши прозаики. Кто Вам из военных прозаиков, Талха-агай, близок по духу, кого из собратьев по перу вы ставите высоко, кого не очень?

А.Г.: Я считаю, Василь Быков – вершина военной прозы. Лучше него никто не напишет, наверное... Мы забыли еще одного замечательного писателя, гениального писателя, может, знаете? Он умер в Медвежьем, кажется... Он ведь в нашем направлении работает тоже, в солдатском...

Э.Ф.: А, сейчас вспомню, – Константин Воробьев.

А.Г.: Вот! Вот откуда пошла «окопная» проза – у ее истоков Быков и он, Воробьев. Потом пошел Бакланов и другие, а уже потом – Кондратьев, это уже потом было...

Э.Ф.: Талха Юмабаевич, Ваша скромность не имеет предела. Мы уже с Вами говорили, что Великая Отечественная война глазами солдата, из солдатского окопа, так называемая «окопная» правда началась не с Кондратьева, это художественное открытие принадлежит Вам, мы же с Вами сопоставляли хронологические рамки!

А.Г.: Виктор Астафьев – интересное явление, хотя и не простое. У нас судьбы немножко схожи. Смотрите вот: в 15 лет я ушел из Уразово, в 9 у меня не было ни отца, ни матери. Надо мной все смеялись, я был оборванец, у меня были вши, пока не взяла к себе бабушка. Но ведь бабушка немного подкормила не столько из-за большой любви к внуку, сколько по той простой причине, что правление выписало на меня 0,5 кг муки. Потом продали дом, я приоделся, стал немного походить на человека, на нормального подростка. Мне, подростку, очень хотелось быть человеком, мне уже в то время нравились девочки, а надо мной постоянно все смеялись: вшивый, грязный, оборванец. Ну, вот так... Детства у меня не было. Уехал в ФЗО, ладно, в ФЗО я немножко приоделся, там в первый раз надел ботинки нормальные. И оттуда, после ФЗО, уехал работать в Ревду. Смену отработаешь, тебя посылают перелопачивать кокс в мартеновском цеху. Ну, сил нет. Садишься и засыпаешь. А мастер подходит к тебе, пинком или за шиворот: «А ну, ты, спать пришел, твою мать!». Может работать 12 часов 15-летний подросток голодным? Потом армия, фронт, 18 лет, в еще зеленом возрасте столько пришлось увидеть: смерть, кровь, развороченные кишки, прочее, трупы, трупы, много трупов... Я дошел до Эльбы, Победу встретил в Германии, демобилизовался – не дома. После этого завербовался в Крым. Там я стал задумываться о том, что мы –

не татары, мы – башкиры, понимаете? Я думал, мы – татары, и в паспорте у меня кто-то записал «татарин». Приезжаю в Крым, мне говорят: «Вам надо немедленно отсюда уезжать, татарам запрещено жить здесь». Это в 1948 году. Я говорю: «Почему? Как так? Как запрещено? Я же воевал». Там майор сидит. Я говорю: «Я не татарин, я из Башкирии, из Уфы». «Ну, ладно, – он говорит, – оставайся, если найдешь работу». Надо сказать, работы там было много. Тут же я говорю: «Нет! Раз татарам нельзя, я тоже не буду здесь работать!». Потом – забой, в тоннель попал, проходчиком. Комплекция у меня маленькая, руки маленькие, ничего богатырского. Выносливость была, наверное. Я бурил, работал под землей, попадал в аварию... Потом в Москву приехал. Как оказалось, самое страшное – это Москва, не Кавказ, не туннель, а Москва. Попадает человек диковатый, степной, живший где-то в горах, попадает буквально в каменные джунгли. Жуткие впечатления, там другие отношения, жизнь в бараках, тяжелая работа на заводе, очень жарко, особенно летом. Металлическая крыша цеха раскаляется. Весь в поту стоишь. Вот так... А потом захотелось реализовать недостаток в учебе.

Как-то меня пригласили в учалинскую школу встретиться с ребятами. Я им говорю: «Ребята, только не смейтесь: я в седьмом классе учился три года, в восьмом – два года». Они с удовольствием надо мной посмеялись; вот где было трудно, очень трудно.

Э.Ф.: Повторюсь, Талха-агай, – поразительная схожесть судеб, прямо-таки зеркальная, с В.П. Астафьевым. Но ведь вот что удивительно – Вы совершенно не озлобились...

А.Г.: Он тоже пробивался очень трудно. Я считаю, что у него бешеный талант... Я, как Виктор Петрович, никогда не напишу, я другой. Да, он озлобился, к сожалению, несмотря на высокие литературные и правительственные награды. Я, вроде, не озлобился...

Э.Ф.: Вы же с ним, насколько я знаю, много раз встречались и даже дружили. Если можно, скажите, как он оценивал Ваше творчество?

А.Г.: «Толя, не подделывайся под русского писателя», – частенько он мне говаривал. Да, Астафьев объездил весь мир, везде побывал – в Париже, рассказывал об этой поездке. Он богат, выходят огромными тиражами его книги.

Э.Ф.: За окном май – месяц Великой Победы. Талха-агай, с Днем Великой Победы вас!

Уфа – Уразово (по телефону), июнь 2002 г.

Э.Ф.: Талха-агай, доброе утро! Мы не договорили с Вами в прошлый раз. Только что вышел четырехтомник Виктора Петровича Астафьева, по-моему, шикарный.

А.Г.: Да-да, очень хорошее четырехтомное издание. Я ему как-то сказал: «Виктор Петрович, Вы жутко угрюмый писатель, немного бы юмора, света в ваше повествование». И еще я ему сказал: «Зря вы сдуваете у Владимира Ивановича Даля».

Э.Ф.: Так и сказали?

А.Г.: Так и сказал. Я думаю, что стыдно использовать диалектологические словари, у меня тоже есть Даль, но мне стыдно. А он, оказывается, шпарит. Я думал, это его язык – ничего подобного; даже писали об этом неоднократно, что язык искусственный, «сделанный», немного похожий на язык Горького.

К сожалению, долгие годы, живя вдали от родного края, в стихии большого языка, я читал только русскую литературу. В знании родного материнского я остался на уровне деревенского подростка. Да и русским овладел не настолько, чтобы знать его, скажем, на уровне Виктора Астафьева.

Э.Ф.: Что-нибудь написали нового?

А.Г.: Написал очерк, который назвал «Писатель в деревне», наверное, надо было назвать «Литература и деревня» и порассуждать о том, есть ли в деревне литература, нужна ли ей литература, читает ли сегодня художественную литературу деревня башкирская, русская...

Уфа – Москва (по телефону), 2007 г.

Э.Ф.: Талха Юмабаевич, здравствуйте! Как дела? О чем пишется, о чем думается? Прочитала в одном московском журнале небрежное мнение о деревенской прозе. Если так будет, то и военную прозу загонят куда-нибудь и будут править бал одни постмодернисты.

А.Г.: Все может быть, Элеонора. Эти мальчики от литературы, сдается мне, ничегошеньки не читали из русской классики. А то бы они знали, что практически вся великая русская литература изначально деревенская. Пушкин ведь тоже деревенский. Живал в своем Михайловском, хорошо там творил. А Иван Бунин вообще «деревенщик»: «Деревня», «Антоновские яблоки», многие рассказы. Лев Толстой одевался в крестьянское платье, потел на покосе вместе с мужиками, даже вспахал клин своей бывшей крепостной. На арену выходят эти жуткие постмодернисты, называют себя писателями... Да какие они писатели, сколько можно играть словом? Сколько можно просто говорить? Сейчас в моде так называемая «новая интеллектуальная», а я бы сказал, тусовочная, литература. Некоторые вещи талантливы, сделаны умело и дерзко. Но литература эта – порождение городского асфальта и замкнутого пространства. Если герои Ф.М. Достоевского в туманных дебрях страдали, искали Бога, истину, то герои каменных джунглей грешат и грешат. Литература эта – без зеленого ландшафта, без муравы под ногами, без пения петухов на заре. Все эти романы, повести, которые Вячеслав Кондратьев называл «игрой в бисер», пишутся и печатаются в журналах с расчетом на «Букера» и прочие премии. Их главная цель – понравиться Западу. Бедный Чехов не получил ни одной премии. Нобелевская премия Бунину имела политический подтекст – изгнаннику, пострадавшему от большевиков. Великий писатель, так любивший Россию, заслуживающий десятки премий от своего народа, умер в бедности.

Ну, Бог с ними, с этими литературными «завлабами» и любящим их Западом, у которого после Шекспира, Гете, Флобера, Бальзака и Диккенса не было настоящей литературы. Как говорится, время все расставит по своим местам, каждый сверчок окажется на своем шестке. Если бы во мне проснулось то, что Лев Толстой называл «энергией заблуждения», я писал бы о войне, бытии, но я уже истощил свою память, вытоптал свои литературные уголья. Постарел, исписался.

Э.Ф.: Все знают, Талха-агай, что это не так, далеко не так. Вы же сами любите говорить, что война вас не отпускает.

А.Г.: Это верно, война не отпускает. Все время что-то пишу, никому не нужное... Написал соображения старого человека – ветерана войны, три страницы

получилось. Не писать не могу, когда я не пишу, психую... Пишущая машинка для меня как наркотик...

Э.Ф.: Я все-таки думаю, что литература выстоит и вернется на свой высокий уровень, фундамент-то у нашей литературы настоящий, языковой, нравственный.

А.Г.: Я тоже так думаю, с этой надеждой и живем...

Встреча за круглым столом
(Уфа, Белая гостиная БГПУ им. М. Акмуллы)
28 сентября 2008 г.

Э.Ф.: Не будет преувеличением сказать, что Ваше творчество, Талха Юмабаевич, о настоящем: о настоящей войне, жизни, настоящих людях, любви, поэзии, русской и башкирской литературе и культуре. Главное оружие, выбранное Вами, – «нагая» правдивость текста.

Почему Ваши произведения так поздно пришли к читателю?

А.Г.: Писать я стал поздно, и с публикацией моих вещей были определенные сложности, поэтому я ждал, писал в стол, знал, что, несмотря ни на что, писать нужно только правду, не может быть такого, чтобы людям не нужна была правда. У меня в книгах все так, как и было, это кому-то казалось неудобным, «так не пишут о войне», – твердили мне.

Э.Ф.: Талха Юмабаевич, давайте еще раз вспомним Ваш путь в литературу.

А.Г.: 15 лет от роду ушел из деревни, не зная русского языка. Моя неграмотность была ошеломляющей: в диктанте мог сделать до сорока ошибок, по два года учился в 7 и 8 классах, потому-то я по большому счету считаю, что Анатолий Генатулин в чем-то повторяет судьбу русской эмиграции первой волны, таких писателей, как Бунин, Шмелев, Ремизов, то есть это были прекрасные писатели, но они были оторваны от России, не писали на русском языке, правда, подпитки у них постоянной не было, как у тех, которые остались здесь.

Э.Ф.: Не буду повторять, как не просто складывалась ваша судьба – Человека и Художника. Что на протяжении стольких лет помогало в преодолении жизненных преград?

А.Г.: Литература. Умное слово. Книги. Вы же помните, в моем уразовском кабинете – два портрета: Льва Николаевича Толстого и Антона Павловича Чехова, гениев русской литературы, моих учителей, наставников. Чехов – самый любимый, он действительно мне очень близок, близко его мироощущение, отношение к людям, к жизни, к счастью... А Толстой... я перед ним робею, теряюсь... Но тянусь, хочу понять, хочу учиться у него... Он для меня слишком велик. Идеалом для меня был и остается Чехов... Может быть, это покажется нескромным, но мой первый опубликованный рассказ «Аю-таш» написан под прямым влиянием чеховской «Степи». Когда начинал читать Чехова, становилось веселее, комфортнее. Влияние этого глубокого художника на мое мироощущение – почти мистическое.

Э.Ф.: Какое Ваше произведение – самое любимое?

А.Г.: Повесть «Переправа», которое имеет и второе название «Вброд». Многие решили, что повесть автобиографичная только потому, что я пишу от первого лица.

Э.Ф.: Почему повесть называется «Переправа»?

А.Г.: Переправа – это вся наша жизнь, а если более конкретно, герой пытается перейти вброд реку Урал, тонет, ему удается выплыть. Потом его кружит мутное течение жизни послевоенных лет. И среди тараканов пришлось пожить, и через наркологическую клинику пришлось пройти... Если бы не русская женщина... На ней всё держится. Да и в Уразово тоже, если бы жили одни мужики, представить трудно, что было бы.

Э.Ф.: Главный повод нашей сегодняшней встречи – вручение Президентом Башкирии Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова московскому писателю, нашему земляку и другу Анатолию Генатулину.

А.Г.: Вручение Аксаковской премии – как странный сон: наконец-то меня признали! Наверное, потом и эйфория случится.

Я много и с удовольствием читал Аксакова, особенно о рыбной ловле и о том, как Гоголь к нему в Абрамцево приезжал... Меня поражала не столько бытовая сторона жизни тех времен, сколько описание природы, особенно во время их путешествия по Волге, Каме, Белой до Уфы. Он – истинно русский писатель и очень тепло отзывался о людях, которые проживали в деревнях. Мне тоже это

близко. Моя бабушка жила в маленькой бедной избушке... И когда мимо проезжали тирлянские рабочие, они всегда к ней стучались, а не в богатые дома. И бабушка пускала на ночлег. И Аксаковы так же путешествовали, останавливаясь у простых людей. Сейчас попробуй к кому-нибудь на ночь постучись! А из Москвы на подводах до Уфы добраться даже ради эксперимента вряд ли кто рискнет...

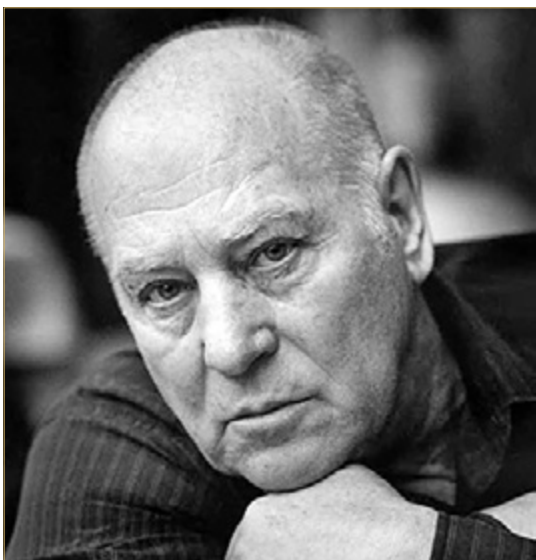
На встрече с Анатолием Генатулиным

*В Белой гостиной –
с нашим знаменитым земляком*

В гостях у писателя

Константин Скворцов

*Лауреат Всероссийской
литературной премии
им. С.Т. Аксакова (2010 г.)*

«Есть Бог, и есть Любовь. И с горем пополам Все ж вспыхивают вновь в России купола...»

Константин Васильевич Скворцов родился в городе Туле 13 апреля 1939 года. Русский писатель, поэт, драматург, член Союза писателей России с 1969 года, общественный деятель. Живет в Москве.

В 1961 году окончил Челябинский агроинженерный университет (бывший ЧИМЭСХ) по специальности «инженер-механик», а в 1975 году – Высшие литературные курсы при литературном институте им. М. Горького. С 1975 по 1986 гг. избирался ответственным секретарём Челябинской областной писательской организации Союза писателей России, а с 1986 по 1992 гг. – секретарём правления Союза писателей СССР. С 1976 года по настоящее время – секретарь Правления Союза писателей России.

Первые поэтические сборники (стихи, поэмы, драмы) вышли в Южно-Уральском книжном издательстве: «На четырех ветрах» (1966), «Лунная река»

(1968 г.), «Стихи. Поэмы» (1970 г.); «Ущелье крылатых коней», «Отечество мы не меняем» (1975 г.); «Алена Арзамасская» (1978 г., с иллюстрациями народного художника России Л.Н. Головницкого). Премьера первого из спектаклей, «Ущелье крылатых коней», поставленного по драматическим произведениям К.В. Скворцова, состоялась 23 марта 1972 года в Челябинском ТЮЗе. Скворцов становится самым заметным в российской драматургии автором стихотворных пьес. Спектакли по его пьесам были сыграны во многих театрах СССР и РФ.

Спецкурсы по драматической поэзии К.В. Скворцова читаются в некоторых университетах мира (Польша, Лодзь), его произведения переведены на иностранные языки (английский, немецкий, сербский, арабский и др.). Пьесы и лирические стихи поэта печатались в центральной и уральской прессе («Театр», «Современная драматургия», «Роман-газета», «Наш современник», «Огонёк», «Смена», «Урал», «Уральский следопыт», «Каменный пояс» и др.). Он принимал участие во всемирных фестивалях поэзии в Палермо (Италия, 1989 г.), Мербете (Ирак, 1987 г.), в Стружских вечерах поэзии (Югославия), в выступлениях российских поэтов во многих странах мира.

К.В. Скворцов – лауреат премий им. А.И. Фатьянова (1986 г.), им. М.Ю. Лермонтова (2000 г.), им. М.Н. Алексеева (2005 г.), II артиады России (1996 г., за книгу стихов «Линия жизни»), форума «Общественное признание» (2001 г., за личный вклад в упрочение могущества и славы России), народной премии «Светлое прошлое» (2004 г.), Большой литературной премии России за лучшее произведение года, учреждённой Союзом писателей России и акционерной компанией «Алроса» (за драматическую трилогию «Сим победиши!»); удостоен звания Кембриджского университета «Человек года» (1992 г.), награжден орденами «Знак Почета» (1976 г.), «За заслуги перед польской культурой» (1989 г.), знаком «Почетный меценат и благотворитель. За благородство помыслов и идей», учреждённым общественным движением «Добрые люди» (2005 г.).

Секретариатом правления Союза писателей России литераторам Урала ежегодно вручается премия Константина Скворцова.

На сайте уфимской газеты появился отклик на статью Ирины Николенко, опубликованную несколько лет назад, под заголовком «Не хватает не радости нам,

а пронзительной боли»: «Главная движущая сила в человеке – доброта. Скорее, это наша национальная российская черта, и, глядя на Константина Васильевича, постигаешь секрет вечной молодости – почему он в свои 71 выглядит на 50 с небольшим? Золотой литературной нитью вытканы все его произведения о Родине, о матери, о земле русской... Будто Бог положил ему в руки «золотое перо», чтобы донести до нас». И подпись – Татьяна. Это было как раз в тот год, когда К.В. Скворцов стал лауреатом Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова.

Константина Васильевича Скворцова первый раз я увидела три десятка лет назад на одном из первых Аксаковских праздников, спросила: «Кто такой, в каком театре работает?». Я приняла его за артиста – настолько он был притягательно-обаятелен и хорош собой, а артисты бывали частыми гостями Аксаковских праздников.

На этом же празднике он читал свои стихи... И всё. В одночасье Поэт заслонил человека... Заворожил всех нас своим талантом и харизмой. Внешнее ушло, Творец мощно выдвинул на передний план Поэзию, его величество Слово. Когда я очнулась от эстетического и культурного шока (насколько роскошно поэт читал свои стихи, и так потрясающе хороши они были), первое, о чем подумала: «Как стыдно, что я его не знала! Почему его нет в программе вуза?».

Так, несколько десятилетий назад я включила изучение творчества Константина Скворцова в курс лекций «Русская литература XX века». И на всю жизнь погрузилась в Высокую Поэзию.

Теперь хотелось бы довериться мнению о К.В. Скворцове признанных авторитетов, тех, на ком, считаю, во многом еще держится и живет наша страна.

«...Откуда у него такое знание нашей истории? Что его навело на нее, да так, что он врубился в нее намертво?.. В Туле К. Скворцов родился, а вырос? А вырос на Урале. Как же он таким оказался? А очень, оказывается, просто: знаменитые металлурги, начиная с петровских времен, такие, как Демидов, пришли ведь на Урал не откуда-нибудь еще, а из Тулы. И тут все ясно. История сама ложилась прямо под босые ноги мальчишки.

...Видит Бог, замечательный поэт и патриот России нашей немало сделал в поисках ответов на все эти мучительные и тревожащие нас вечные вопросы, связанные с судьбой Отечества нашего.

Да будет для него наше и Божье благословение на дальнейшие поиски. Ведь «история народа принадлежит поэту» (А. Пушкин)».

Михаил Алексеев

«В отличие от великих античных трагиков и драматургов эпохи Нового времени поэт Константин Скворцов не только живописно воссоздал исторические личности, изящно написал сильные характеры и поставил извечные вопросы жизни на высокий уровень метафизических афоризмов, К.В. Скворцов в слове явил мощную силу христианской веры, надежды и любви и указывает на выбор святого в качестве примера жизненного поступка в перспективе вечности».

Архимандрит Пётр (Афанасьев)

«Поэт Константин Скворцов – один из самых значительных драматургов современной России. Очень серьезную задачу – воссоздание истории стояния за веру, утверждения святости, Константин блестяще решил и исторически, и художественно...».

Валерий Ганичев

«У всякого поэта своя любимая тема, своя звезда, свое неповторимое «Я», и у К. Скворцова – это Россия... И сам он – из России, весь из нее – страны не монументально-картинной, а страны трагически незнаемой, где всё вглубь и вширь надо решительно открывать заново, пусть даже у «самой бездны на краю...»

Новелла Матвеева

«Константин Скворцов, по моему глубокому убеждению, драматург милостью божьей... Драматургия Скворцова глубоко патриотична, она не разрушает, наоборот – укрепляет нравственное здоровье народа...».

Петр Проскурин

«В нем сила огромная, большая энергия. Эта сила, действительно, не только ему, но и на пользу России».

Валентин Распутин

«...Как-то Константин сказал мне: «Первое слово – это ворота, в которые входит читатель». Так пусть этими «воротами» будет слово... «ЛЮБОВЬ». Любовь к жизни, любовь к Отечеству, любовь к родному краю. ...Нас объединяют не только Высокие цели, но и роднит Вышнее Провидение...».

Виктор Савиных

«Константин Скворцов – большой, широко известный поэт, лауреат многих литературных премий, но, я считаю, что высшая награда поэта, когда песни, положенные на его стихи, как бы отрываясь от автора, становятся народными. Народ признал поэта, его творчество своим и растворил в себе без остатка».

Михаил Чванов

А я бы сказала, что творчество Константина Скворцова, его поэзия, драматургия, проза, публицистика, – это космос, мощный, бескрайний, загадочный и до сих пор не познанный до конца. Но есть еще и Скворцов – человек, а это тоже космос, явления одного порядка, в природе встречающиеся не часто. Вместе они составляют органичное целое, друг другу не противоречащее. Здесь всё совпало: талант и судьба, яркая биография и многогранное творчество.

Поэт милостью Божией...

Нет, не Есенин, он другой, не Пушкин, не Некрасов, он – Скворцов. Но он – и Лермонтов, и Блок, и Тютчев, он – классический поэт, от слова «классика», для которого традиция – не куча обломков, искусственно собранная в пьедестал, но тот родник, восхождение к себе, познание себя шаг за шагом, ступень за ступенью.

Не нами сказано: только тому, кто постигает себя, интересны другие. Помните, у Распутина: если человеку неинтересно быть самим собой, то это изначально не личность (*цитирую по памяти – Э.Ф.*).

Важно, что для Константина Скворцова русская литература – всегда живая, и проза, и поэзия. У Ивана Бунина есть по этому поводу чудные слова: « Великие русские поэты присутствовали в моей жизни как живые люди!» Понимаете, как живые, как люди!

Ярчайшей гранью поэзии К.В. Скворцова является патриотическая лирика. Родина, Русь, Россия – это главная тема, от самых ранних стихов поэта и до сегодняшнего дня. О чем бы поэт ни писал, тема Родины присутствует всегда. Она полифонична и многогранна, в ней есть всё: юношеский максимализм,

восторг, преклонение... Страдание и по-некрасовски сыновьи претензии к ней как к матери, как к прародительнице...

*Я думал, Русь, что ты моя броня.
Но над полями выжженного хлеба
Ослепли, нас от недругов храня,
Твои глаза, взирающие с неба!
...Грачи атаковали сокари,
Вьют нагло гнезда в соловьиной роще.
Доколе это? Матушка, прозри!
И защити оплеванные мощи!*

В сыновней любви лирического героя к Отечеству звучат не только фанфары и валторны, но и горестные упреки, главный из которых: «Так почему никто меня не слышит?..».

*Не став избою, доживает сруб.
Дымит польнь из выбитых окошек.
Не пахнет хлебом из холодных труб.
Нет ни мышей пронырливых, ни кошек.
...Берестяной пылится туюсок,
Забыта прялка. Выброшены пальцы.
Не говорите мне: всему свой срок...
Страна уходит, как песок сквозь пальцы!
Так может быть, услышим вместе!?*

Но в каком бы образе не предстала перед читателем Родина, неприятие врагов своего Отечества – это тоже вектор гражданской лирики Скворцова. В программном стихотворении «Свеча» (в скобках замечу, что в патриотической лирике поэта все стихи – программные), как и в произведениях устного народного творчества, настойчиво звучит крохотный рефрен:

*Свет – не огни в реке,
Не лампа Ильича,
А у тебя в руке
Горящая свеча.*

Лирическому герою знакомы и чувство уныния, где он выражает неуверенность в завтрашнем дне Отечества, и сомнение поэта-гражданина:

*Куда идти и с кем?
И кто повинен в том:
Иль старый красный Кремль,
Иль новый Белый Дом?*

И снова – поэтическая полифония Мастера:

*Свет – не огни в реке,
Не лампа Ильича,
А у тебя в руке
Горящая свеча.*

Читая эти строки, понимаешь, что каждый из нас в ответе за то, какой сегодня свет на Руси.

Как высшее проявление гражданского чувства поэта звучит его вера и надежда в стихотворении «Птицы русские»:

*Снова силушку былинную
Влей в гармонику старинную.
Спой!.. Была иль не была?..
Пусть кому-то не понравится –
Встанет русская красавица.
Зазвонят колокола!..*

Не случайно поэтические строки Скворцова начертаны на Щите и Мече Победы, изготовленных Златоустовскими мастерами в 1995 году (Москва, Центральный музей Великой Отечественной войны на Поклонной горе):

*Россияне! Не уроним чести
И плечом к плечу сомкнёмся впредь.
Выстоять дано нам только вместе,
Порознь – только умереть.*

Есть у Константина Васильевича еще одна особая грань – стихи о дружбе. Это очень скворцовская тема – друзья, их у него немало, он их любит, знает, они для него – родные люди. Поэт выпустил сборник «Прокричи мне, мой чибис!» с подзаголовком «Стихи для друзей». Важно, что одноименное стихотворение было написано в Башкирии, незадолго до Аксаковских праздников... Осенью 2005 года поэт приехал на очередной праздник не с пустыми руками, привез это стихотворение, и мы услышали замечательную историю его создания: «...Недавно мы отдыхали на озере Нугуш. И возле нас все время крутился хромой чибис – видно, ястреб его когда-то потрепал. И он, как только в небе кто-то замельтешит, сразу к нам жметя. Все говорили мне: «Напиши!». А чего писать-то? И вдруг этот чибис пропал. И настроение у всех упало, стали чуть ли не поминки по нему справлять, хотя пока был с нами – надоедал ужасно, кричал противным голосом, спать не давал. И я написал. Все как было. А в конце такие строки:

*... Но в последний из дней,
В настороженном утреннем сне,
У палатки моей, утопающей в белом тумане,
Я его не услышал... И умерло что-то во мне.
...И когда я уеду, покинув лесное раздолье,
И последние искры погаснут в остывшей золе,
Прокричи мне, мой чибис, пусть сердце сожмется от боли.
И я снова поверю, что я еще здесь, на земле.*

Почему я это вспомнил?.. Не хватает не радости нам, а пронзительной боли. Казалось бы, в нашей-то стране с этим не проблема. Ан нет! Первородства природного недостаточно нам, чтобы быть людьми».

С тех пор ни один аксаковский праздник не обходится без нашего «чибиса»: это стихотворение звучит на конкурсах чтецов школ и вузов, молодежь его любит.

Сборник «Прокричи мне, мой чибис!» открывается посвящением нашему краю, нашему отечеству, Уралу. По-уральски напевно, мелодично звучит рефрен:

*Я выйду по тропе подталой на полустанок небольшой.
Не может Родина быть малой с такой великою душой.*

С удовольствием в списке друзей узнала многих наших уфимцев: И. Абдрахманова («Маяк»), И. Ишмухаметова («Иремель»), В. Аброщенко («Убили коня»), К. Зиганшина («Тюлюк»), З. Байметова («Пой, Зульфат!») и других. Весь сборник о дружбе и друзьях хочется закольцевать прекрасной «Балладой о Белой реке»:

*Сколько раз мы опять и опять
Рай земной принимались искать,
Мы искали его вдалеке,
А он рядом – на Белой реке.
Тонкий месяц с полярной звездой –
Золотой минарет над водой.
Спит роса меж осок в гамаке.
Мы идем на плоту по реке.*

И опять – многозначный скворцовский рефрен:

*На плоту, на плоту, на плоту
Мы идем за верстою версту.
Не спеши, друг-товарищ, постой,
Дай вдохнуть этот древний настой...*

Пишет ли Константин Скворцов о любви? Конечно, пишет. И еще как! Любовь лирического героя у него – это не просто вечная любовь, а глубокое философское понятие, не имеющее ни временных, ни пространственных рамок.

*Я полюбил тебя до нашей встречи
И шел к тебе из глубины веков!*

Даже самые изящные «орудия труда» живописца бессильны, чтобы описать любовь лирического героя:

*Кисть груба, будь даже колонковой,
И тупеет острый карандаш!
А пегас, во мне смиряя раж,
Рвет в досаде рукопись подковой!*

Но герой Скворцова и умен, и храбр, и не слаб – и осознает это.

*Ты, дорогая, знаешь: я не робок.
И не лишен пока ума и сил.
Я насмерть с Гамлетом стоял бок о бок,
Джульетте розы по утрам носил.*

Любовь для поэта – понятие божественное, «солнечный осколок», который лирический герой получил от Всевышнего:

*Я твой образ солнечным осколком
Вывожу на золотом песке!
Боже! Награди меня за смелость!
Ты же Сам осколок этот дал.
И я вижу: ты запечатлелась
Вся такой, какую Он создал!..*

Когда слушаешь стихи Константина Скворцова, рождается уверенность в том, что Россия – не только литературоцентричная страна, но и поэтоцентричная. Вспомнив слова о поэте Новеллы Матвеевой, можно сказать: Скворцова без России нет, как нет России без Скворцова, – сегодняшней, завтрашней,

вечной. Каждая грань личности Мастера – это отдельный разговор: замечательный, интересный, ёмкий. И грани эти сверкают, его дивное поэтическое слово, талантливая драматургия в лучших традициях русской классической литературы, публицистика несут мощный заряд мужского начала, которого так не хватает сегодня современной русской литературе.

*Не жди благих вестей.
Задумайся о сыне.
Последний лиходея
Еще не на осине.
Куда ни кинь – клыки.
Куда ни кинься – жала.
Вставайте, мужики,
Нас так осталось мало!..* – пишет поэт.

Из бесед с Мастером

Э.Ф.: В одном из интервью, кажется, в 90-х годах, рассуждая о поэтической драматургии, Вы сказали фразу, которая меня мучит до сих пор: с одной стороны, Вы не любите театр, а с другой – боготворите. Так бывает?

К.С.: Да, еще раз удивлю тебя: я не люблю театр и боготворю его одновременно. При этом я многого в нем не принимаю и не понимаю. Я легко отличаю японский театр от китайского, английский от польского. Но от того же польского я часто не могу отличить театра российского, потому что он не находит в моей душе отклика... «...Вопрос о русском театре в Москве стоит прежде вопроса о свободе театра и независимо от него... Все, что сильно в Великороссии умом, характером, все, что сбросило лапти и зипун, все это стремится в Москву: искусство должно суметь управиться с этой силой, холодно-рассудочной, полудикой по своим хищническим и чувственным инстинктам, но вместе с тем, наивной и детски увлекающейся... очеловечиваться этой новой публике более всего помогает театр, которого она жаждет и в котором ЕЙ БЫЛО БЕСЧЕ-

ЛОВЕЧНО ОТКАЗАНО... Драматическая поэзия ближе к народу, чем все другие отрасли литературы... Мы должны начинать сначала... А не слепо идти за французскими образцами, интересными только уже пресыщенному вкусу... Мы должны знать, что вот настоящее вечное искусство, а вот временные от него уклонения, которыми нас наделила передовая, но антихудожественная нация... Зачем же нам успокаиваться на пошлостях, тешащих буржуазное безвкусице...», – это написано А.Н. Островским в 1881 году. К сожалению, почти за 140 лет ничего не изменилось, напротив, в двадцатом веке российские театры нанесли такой урон нашей национальной культуре, пропагандируя ложные ценности, так обеднили и деформировали наши души, что нынешний экономический кризис – детская проделка в сравнении с той катастрофой, которую мы потерпели от духовной экспансии. Книгу можно отложить, телевизор можно выключить. Из театрального зала, где зрителя поливают «теплыми помоями», скромному человеку выйти неловко, неудобно... Он терпит. Поэтому:

*...Поверьте, видеть больно
Мне за пустой... Еще больнее – полный!
Вот то, чего нам следует бояться:
Когда душе нет сил сопротивляться,
Когда она обманута искусно,
Воспринимает пошлость за искусство.
И, не внимая никаким заветам,
Пьет яд и улыбается при этом...*

Э.Ф.: 2019 год для Уфы, Башкирии – особенный: мы отмечаем столетие со Дня рождения Мустая Карима. Я была простым читателем, не пила с ним чай за праздничным столом, правда, в раннем детстве видела его несколько раз в доме Гайнана Амири, дочери которого – мои подруги детства. А сам Мустай дружил с Гайнан абыем еще с довоенных лет. В дальнейшем эти отношения переросли в большую дружбу фронтовых друзей и двух поэтов. Так вот, когда я рассказывала студентам о творчестве Мустая Карима, о его значении для всех нас, то частенько замечала: «Пока Мустай жив, мы с вами надежно защищены его мощью, его великим творчеством...».

К.С.: Так оно и оказалось на самом деле. Башкирия – край особый, еще и потому, что тут сохранилось трепетное отношение к литературе, наверное, во многом, благодаря Мустаю Кариму... Пока был рядом, мы не осознавали этой великой милости – быть его современниками. А ушел – и как шапку с республике сняли. Я много езжу по стране: почти везде – разоренные дороги, церкви, деревни, ржавые комбайны, коровники в таком состоянии, словно ребра торчат наружу. В Башкирии картина совсем иная. И прежде всего – потому, что сохранилось бережное отношение к земле. А ведь все от нее, от земли, от ручейков, от колосков этих, растет в человеке самое лучшее.

Э.Ф.: Я плохо отношусь к предсказателям, пророкам, но: повесть В. Распутина «Пожар» вышла незадолго до Чернобыльской катастрофы. Да и роман В. Белова «Все впереди» оказался пророческим, творчество С. Куняева, во многом, Чванова... У Вас ведь тоже, насколько я помню, есть своя история про Чернобыль?

К.С.: В начале 80-х годов «вражеская» радиостанция «Немецкая волна» передавала отрывки (театр у микрофона!) из моей драмы о создателях советской атомной бомбы. У нас ее не пропускала цензура, так как наши реакторы были «самыми надежными» реакторами в мире, а в сюжете – авария. Это было незадолго до Чернобыльской АЭС. Естественно, что Г.М. Маркову – председателю правления СП СССР – была спущена директива дать оценку моему творчеству. Вызвали в Москву (я жил тогда в Челябинске), поселили в гостинице «Москва», хотя я был согласен и на общежитие Литинститута, родного мне по Высшим литературным курсам. На обсуждение я принес восемь или десять драм в стихах, чем удивил весь секретариат, так как в то время жанр драматической поэзии, по словам Ю.И. Суровцева, считался вымершим. Г.М. Марков начал с того, что Секретариат в разные годы обсуждал творчество московского поэта Роберта Рождественского (очевидно, после его напумевшей «Поэмы о разных точках зрения»), казахского – Олжаса Сулейменова, и вот решили обсудить творчество поэта-драматурга с Урала. В то время в каждом номере «Литературной газеты» печаталась рубрика «В Секретариате правления СП СССР», в которой публиковался краткий отчет о работе: какой вопрос обсуждался, кто выступил и т.д. Так было и на сей раз (июль 1985 года). В отчете были не только лестные для молодого провинциального автора слова, но в следующем номере «Л. Г.» опу-

бликована целая полоса – фрагмент из той самой драмы об Игоре Васильевиче Курчатове. А следом, по решению Секретариата, вышел объемный том моих сочинений в издательстве «Советский писатель», которое полностью принадлежало Союзу писателей СССР и курировалось Секретариатом правления. Обсуждался и утверждался издательский план на каждый год. Кстати, обсуждение не было келейным. Всякий раз присутствовало более ста писателей. Споры были нешуточные. Естественно, было и много обиженных, но откровенная графомания, коей сегодня наполнены книжные развалы, не проходила. После моего обсуждения, устроенного не без участия замечательного прозаика и драматурга Э.Ю. Шима, – автора киносценариев по произведениям Георгия Мокеевича Маркова «Строговы», «Соль земли» и других, я оказался в Москве и был избран рабочим секретарем правления СП СССР. Я всегда сторонился «кабинетной» работы, поэтому, как только появилась первая возможность уйти на «вольные хлеба», я ею воспользовался. Известные события начала девяностых годов тому способствовали... Союз писателей СССР был настоящим министерством литературы со своей строкой в государственном бюджете страны. Это положение мы ныне утратили, и, мне думается, навсегда.

Э.Ф.: Слушаю Вас и вспоминаю нашего дорогого Александра Павловича Филиппова, народного поэта Башкирии, долгое время – главного редактора газеты «Истоки», который был во многом рупором нашей писательской организации. Я далека от ее проблем, но, мне кажется, любой Союз писателей, кто бы им ни руководил, – это сложный организм людей, талантливых и не очень, творческих и не очень, как и должно быть в жизни. В последнюю нашу встречу с ним мы говорили о нашем республиканском СП, о том, что союз нужен, писатели должны быть организованы в свою собственную писательскую организацию, особенно на местах, как говорится сегодня – в регионах.

К.С.: Ты знаешь, Георгий Марков был одним из немногих (если не единственным) руководителем Союза писателей, который знал практически всю отечественную литературу..

Союз, которым руководил Георгий Мокеевич, уже не был Фадеевским – «расстрельным», но тоже не был простым. СП СССР как организация не был свободным, подчиняясь во многом и идеологическому отделу ЦК КПСС, но каждый писа-

тель был вправе, как и сегодня, выбрать свой путь, свою Судьбу в литературе, за что тогда уже не расстреливали, но частенько не печатали... По инициативе Г.М. Маркова, а не только ЦК, мы возвратили в страну А.И. Солженицына, добились отмены пресловутого постановления ЦК КПСС по ленинградским журналам «Звезда» и «Ленинград», и, как говорил поэт, свершали «Другие добрые дела...». Была «перестройка». «Перестрелка» еще не началась. Вся классическая русская литература – против рынка, поэтому сегодняшнему руководству страны (если только оно не думает о будущем нации) не выгодно поддерживать традиционную литературу. Поэтому многие «продвинутые» губернаторы продвигают современное (постмодерн!) искусство. Слава Богу! Но случаются и такие, которые поддерживают литературу всех направлений, выделяя из бюджетов своих губерний стипендии, дабы писатели не думали только о хлебе насущном. Мы богаты. У нас есть нефть, газ, лес (пока ведь не выгорел!), питьевая вода. Есть еще один резерв – наши олигархи. Надеюсь, когда-нибудь, заснув с книгой классической литературы, написанной на полузабытом ими родном языке, они проснутся в муках пробудившейся в них совести. И, может быть, они вернут народу нажитые ими нечеловеческим трудом народа миллиарды, а сами уйдут в монастыри, отмаливать свои грехи, дабы спастись... «Есть и Божий суд...», и его не отменить указом президента.

Э.Ф.: Константин Васильевич, скажите несколько слов о современном состоянии русского языка.

К.С.: Язык – живой организм. И, как всё живое, он подвержен различного рода болезням. А как можно не «болеть», когда вокруг – миллионы вредоносных микробов? Конечно, любой организм лучше закалять, чем лечить. К сожалению, болезнь запущена, и, думаю, сегодня требуется «хирургическое вмешательство», которым мог бы стать закон «О сохранении русского языка». Язык всегда хранила и развивала наша деревня и классическая литература. Деревни вымирают, классика в загоне.

Преступное сокращение уроков литературы, отсутствие в школьных программах многих классических произведений, которыми генетически подпитывалось наше многовековое чувство Созидания, – обернулось полупрофессионализмом во многих, если не во всех, сферах деятельности. Отсутствие углубленного изучения классики приводит к атрофированию души, к потере

глубины чувства, без которого невозможна и глубина открытия, будь то литература или физика. «Бульварная» литература «закладывает» уши и душу читателю, особенно молодому. Классика кричит, а он ее не слышит. Порой кажется, что труд писателя потерял всякий смысл. Но Художник «должен сеять и на камни», в надежде, что они прорастут.

«В начале было Слово...» – этим сказано всё. Оно всесильно. Ранит и лечит. Казнит и воскрешает. Наказывает и прощает. Строит и разрушает. Главное, в чьих оно устах. Литература тогда литература, когда она не промысел, а судьба. Сегодня у русского писателя, особенно у молодого, будь он трижды талантлив и совестлив, одна забота: сам напиши, сам издай, сам продай! И он ищет своего читателя в интернете. Но зазомбированный ЕГЭ его читатель, привыкший угадывать, а не думать, ослепший от мелькания экрана компьютера, чаще всего – не слышит, не видит, не сочувствует. Ему привычнее разгадывать шарады и скользить, как водомерка, по поверхности воды, чем погружаться в глубины серьезного чтения. А классическая литература была, есть и всегда будет, пока жив русский язык.

«Язык – это путь цивилизации и культуры. Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но насущной необходимостью», – писал Александр Иванович Куприн. В этом писатель видел свою задачу. Ведь язык и народ – слова-синонимы. Сохраним язык – сохраним народ и страну, как бы трудно ни приходилось жить и работать писателю в современном мире.

Так получилось, что впервые День Победы в этом году мне пришлось отмечать за границей, в Чехии, в Карловых Варах. Такой праздник встречать в центре Европы – это несколько раздражало. Но каково же было мое удивление, когда я увидела, что утром 8 мая по улицам Карловых Вар прошел Бессмертный полк... Узкие улицы города не вмещали мощный людской поток в сотни демонстрантов, среди которых были русские, белорусы, татары, казахи, якуты, а также чехи, южнокорейцы, китайцы... Мы то дружно скандировали: «Россия! По-бе-да!», то пели – «Тачанку-ростовчанку», «Лен кудрявый», другие военные песни, которые, как оказалось, у всех у нас остались в памяти... И все это – под гармошку «Василия Теркина», синеглазого, колоритного гармониста.

Завершилась эта акция памяти совсем неожиданно для меня. Люди явно не хотели расходиться, и самоорганизовался митинг. Говорили о Дне Победы, о том, что, если бы не она, то не было бы ни Карловых Вар, ни этих лечебниц, за счет которых живет Чехия. Мне тоже захотелось внести свою скромную лепту: я прочла несколько своих любимых стихотворений К.В. Скворцова и поняла, что этот день стал одним из лучших Дней Победы в моей жизни.

*Говорите слова! Мы беду пересилим.
Пусть ложатся они, как на стол кружева...
Говорите слова, говорите России.
Говорите России: да будет Россия жива!..*

На одном из Аксаковских праздников

*Евгений Евтушенко
и Константин Скворцов,
Магнитогорск, 1976 г.*

*Святослав Рерих, Николай Грибачёв,
Пётр Проскурин и Константин Скворцов,
11 мая 1987 г. Союз писателей СССР*

*Василий Белов, Константин Скворцов
и Георгий Свиридов, 1997 г.*

Писатели К. Скворцов, В. Кузнецов, М. Чванов и летчик-космонавт, дважды Герой Советского Союза В. Савиных. Переделкино, 2009 г.

По Юрюзани на плотах. М.Чванов, А. Акбашев, К. Скворцов, Н. Новиков

На реке с Михаилом Чвановым

Звучит его величество Слово...

*Станислав Куняев
и Константин Скворцов
на Аксаковском празднике, 2008 г.*

*Аксаковский праздник
в Башкирии,
2010 г.*

*С.В.И. Толстым – советником
президента РФ по вопросам
культуры. В Михайловском
на Пушкинском празднике,
июнь 2016 г.*

Содержание

<i>Притяжение личности</i>	3
<i>От автора</i>	4
Василий Белов , лауреат Всероссийской литературной премии <i>им. С.Т. Аксакова (1996 г.)</i>	8
Валентин Распутин , лауреат Всероссийской литературной премии <i>им. С.Т. Аксакова (2005 г.)</i>	22
Михаил Чванов , лауреат Всероссийской литературной премии <i>им. С.Т. Аксакова (2007 г.)</i>	41
Анатолий Генатулин , лауреат Всероссийской литературной премии <i>им. С.Т. Аксакова (2008 г.)</i>	60
Константин Скворцов , лауреат Всероссийской литературной премии <i>им. С.Т. Аксакова (2010 г.)</i>	80

Элеонора Файзуллина

**АКСАКОВСКИЙ ВЕНОК: писатели России –
лауреаты Всероссийской литературной премии им. С.Т. Аксакова**

Ответственный редактор: Ольга Новикова

Технический редактор: Рустем Нугаев

Дизайн, верстка, художественно-графическое оформление, допечатная подготовка:
издательство «Лето», Рустем Нугаев, Ольга Штанько (обложка)

Подписано в печать 03.07.2018

Формат 86х92/16. Гарнитура PetersburgC. Печать офсетная

Бумага мелованная матовая. Тираж 150 экз. Заказ № 97

Издательство «Лето», 450005, г. Уфа, ул. 50-летия Октября, 7. Тел./факс: (347) 246 78 40